

Тессония Одетт

РЕТЕЛЛИНГ «ЗОЛУШКИ»

Young Adult. Связанные узлами с фейри

Тессония Одетт

Сердце принца-ворона

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Одетт Т.

Сердце принца-ворона / Т. Одетт — «Эксмо», 2021 — (Young Adult. Связанные узлами с фейри)

ISBN 978-5-04-176465-4

Принц Франко – вампир, питающийся эмоциями, наследник королевства Лунарии и мечта каждой дебютантки. За исключением Эмбер. Девушка жаждет разорвать сделку, по условиям которой она не может покинуть свой дом до девятнадцатого дня рождения. От случайной встречи с принцем Франко у Эмбер остались не лучшие впечатления. Но когда выпадет шанс сбежать от коварной мачехи, Эмбер будет готова заплатить любую цену. Чтобы выглядеть достойным наследником, принц Франко обязан жениться. На маскараде Новолуния он должен хитростью отсрочить выбор невесты. Однако что может быть лучше, чем союз с отчаявшейся девушкой, сбежавшей из дома? Теперь Эмбер ровно до полуночи должна исполнить свою роль: не только сопровождать принца, но и постараться не влюбиться в него. Когда маски спадут, а чары рассеются, смогут Эмбер и Франко сохранить свою любовь? Или игра в ложь окажется сильнее чувств?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-176465-4

© Одетт Т., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	40
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	57
Глава 11	62
Глава 12	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Тессонья Одетт

Сердце принца-ворона

Tessonja Odette

HEART OF THE RAVEN PRINCE

© 2021 by Tessonja Odette

Cover illustration and design by Tessonja Odette

All rights reserved

© Каштанова Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Эмбер

В одиночестве есть своя музыка. Но мне редко удается ее услышать. Лишь по утрам, пока день еще не наполнился какофонией требований, а до восхода солнца целый час, я могу наслаждаться миром и покоем. После рассвета мне придется покинуть убежище на крыше и вернуться к домашним обязанностям. Однако сейчас я слышу ее – едва уловимую песню спящего города.

Раздается уханье совы, и я бросаю взгляд на соседнюю крышу, откуда за мной наблюдает пара ярко-желтых глаз. Сова ухает снова, будто прося признать ее участие в предрассветной песне.

– Я тебя слышу, – шепчу, прислоняясь головой к кирпичной трубе, и вытягиваю ноги, защищенные от холодного воздуха толстыми шерстяными рейтузами, вдоль узкого плоского выступа, расположенного между покатыми сторонами крыши.

Здесь мое святилище, во всем своем неряшливом, измазанном сажей великолепии. Мое место в невидимом оркестре.

Закрыв глаза, я словно заворачиваюсь в музыку. Уханье совы, легкий ветерок, шелестящий в темном небе, стрекот сверчков, эхом доносящийся из окружающих город сельских просторов. Еще один знакомый звук – топот енота, что подбирается к мусорным бакам, громоздящимся в узком переулке между нашим и соседним многоквартирным домом.

– Тебя я тоже слышу, – сообщаю еноту, плотнее запахивая шерстяное пальто, надетое прямо поверх ночной рубашки.

Вокруг по-прежнему звучит колыбельная, и я нежусь под гаснущим светом луны, целующим закрытые веки. Пройдет совсем немного времени, и солнце захватит лунную территорию. Даже здесь, в Лунарии – Лунном королевстве, мы не свободны от власти дневного света и привносимой им суеты. Из одиннадцати королевств острова Фейривэй лишь в Лунарии в дневное время царит вечный полумрак и солнечным лучам приходится пробиваться сквозь тусклую дымку. Тем не менее, как и в других королевствах, утром зазвонят колокола. Город Эванстон пробудится ото сна.

И я проведу очередной день, расплачиваясь за наиглупейшую сделку.

Но, по крайней мере, у меня есть этот миг.

Уже в скором времени все изменится. Музыка наполнит мои дни и озарит ночи. Я освобожусь от своей семьи, оставлю позади прошлое и все пережитые невзгоды. Я смогу стать другой.

Лишь тогда я найду для себя место в этом мире.

Мелькнувшая мысль вызывает улыбку.

Я открываю глаза и тянусь к карману пальто, извлекая на свет свое самое большое сокровище – талон на поездку на поезде. Билет на свободу – в буквальном смысле слова. Я всюду ношу его с собой. Через две недели я оставлю позади привычную жизнь и на вокзале Эванстона сяду в поезд, идущий в город Люменас в Звездном королевстве. Его считают музыкальной столицей Фейривэя. Говорят, для начинающих музыкантов там открываются просто безграничные возможности. Приехав в Люменас, я твердо намерена присоединиться к музыкальной труппе и начать новую жизнь, без каких-либо привязанностей и удушающих уз. Лишь с мелодией на кончиках пальцев.

Касаюсь пальцами гладкой бумаги, осторожно, чтобы не запачкать дату или отметку об оплате проезда. Я почти год откладывала деньги и наконец на прошлой неделе сумела тайно купить билет. Но мне до сих пор не верится, что он настоящий и свобода в самом деле так близка.

Почти рядом.

Еще две недели.

На билет вдруг падает синий отсвет. Вздвогнув, я поднимаю взгляд и замечаю три ярко-синих огонька, зависших над головой. Странно видеть их здесь. Пусть Фейривэй и населяют фейри, которые к тому же составляют всю правящую верхушку, но Эванстон по большей части человеческий город. На его улицах редко можно встретить диких фейри, таких как эти огоньки.

Однако сейчас они очень близко, и в ярких кружочках света, делающих их похожими на светлячков, мне хорошо видны их крошечные личики и коротенькие ручки и ножки. Фейри с любопытством рассматривают мой билет.

– Собираешься в путь? – спрашивает одна из них тонким женским голоском.

Я молча аккуратно складываю билет и убираю обратно в карман.

– Зачем тебе поезд? – вступает другая, голос ее немного выше, чем у первой. – Мы проводим тебя, куда захочешь.

Я лишь фыркаю. Все знают, что огонькам нельзя доверять, особенно когда речь идет о путешествиях или направлениях.

– Пойдем с нами, – поддерживает третий, у него голос более мужской. – Прямо сейчас.

– Сейчас я не готова, – поясняю я, но это верно лишь наполовину. Если бы все зависело только от меня, я бы давно оставила свою семью. Но, согласно условиям сделки, не могу покинуть их до девятнадцати лет.

– Тогда поиграй с нами! – снова начинает первая, взлетая по спирали все выше надо мной. – Давай летать!

Я бросаю на нее удивленный взгляд.

– Я не умею летать.

– Ты соткана из ветра, – сообщает вторая.

В груди возникает болезненная пустота. Откуда она знает?

– Да. Моя мать была сильфидой.

– Была, – как эхо повторяет она.

– Она умерла одиннадцать лет назад.

– Тогда летим с нами! – предлагает огонек-мужчина. – Почтим ее память.

– Говорю же – не умею! Я лишь наполовину фейри и не могу летать, как она. Хватит играть с моей скорбью!

Первый огонек складывает руки в невинном жесте:

– Ты пропустишь восход. Солнце почти у горизонта. Не хочешь взглянуть?

Восход солнца. Значит, мой покой почти закончен. Стоит лишь подумать о домашних делах, штопке одежды и словесных оскорблениях, ждущих меня по возвращении в квартиру, и на сердце становится тяжело. Я бросаю взгляд на горизонт, но не вижу и следа солнца: за высокими дымовыми трубами мало что можно разглядеть. Мной овладевает тоска, и непокорная часть меня, доставшаяся мне от фейри, тянет вперед, побуждая бросить все и сбежать. Но тут же в голове эхом звучит давнее обещание.

«Никогда не сдавайся. Обещай мне».

Стиснув зубы, я поднимаюсь на ноги и, удерживая равновесие на выступе крыши, поворачиваюсь к трубе. Привстаю на цыпочки, вытягиваю руки и хватаюсь за верхушку трубы, не обращая внимания на сажу, оставляющую пятна на коже и одежде. Я взбираюсь наверх, и огоньки, хихикая, вьются вокруг меня.

Мне всегда без труда удавалось куда-либо залезть. Мама помогла мне вскарабкаться на мое первое дерево, а потом впервые подняться на крышу нашего поместья, чтобы вместе любоваться восходом солнца. Воспоминания грозят свалить меня, но я, напротив, нахожу в них силы. Забравшись на трубу, выпрямляюсь во весь рост, упираюсь ногами по обе стороны зияющего дымохода и вновь смотрю на горизонт.

– Прыгай! Лети! – умоляет огонек-мужчина, но я не обращаю внимания.

– Пой! – с насмешкой во взгляде предлагает первый огонек. – Ты хочешь, знаю!

Услышав подобный вызов, я ощущаю, как напрягаются плечи, а внезапно появившийся в горле ком рвется на свободу. Когда я забираюсь так высоко, отчасти уступая своей природе фейри, меня всегда тянет петь. Сама мысль о том, чтобы начать напевать, позволив голосу влиться в тихую мелодию утра, вызывает во мне болезненное желание поддаться этому порыву. Горло сжимается, словно музыка рвется на волю, но я лишь сглатываю и качаю головой.

– Я не пою.

Больше нет.

Огоньки все так же насмеваются и дразнят, но сейчас они меня не волнуют. Поверх дымовых труб и фабрик, усеивающих Серый квартал – такой же мрачный, как и его название, – я всматриваюсь в даль, окидывая взглядом город, раскинувшийся за пределами района, а за ним горы и сельскую местность вдали.

Вскоре я снова остаюсь одна, даже не заметив, как заскучавшие огоньки уносятся прочь. Застыв на месте, позволяю ветру трепать ткань пальто и танцевать в моих волосах.

Я слышу, как меняется музыка. Сперва раздается стук – открываются и закрываются двери, потом глухой звук шагов по булыжной мостовой; фабричные рабочие из близлежащих квартир и работных домов бредут навстречу новому дню, наполненному тяжким, изнуряющим трудом. Потом вступает ритм лошадиных копыт и колес экипажей, затем – вращение шестеренок и рев оживающих механизмов.

У меня дергаются пальцы, стремясь наиграть на призрачных клавишах пианино мотив, каждую звучащую в ушах ноту. Я уже давно не играла. И много месяцев не ощущала кончиками пальцев знакомую, успокаивающую тяжесть слоновой кости, не слышала звуков, эхом отдающихся у меня внутри. И пусть я отказываюсь петь, но по-прежнему нахожу утешение в игре на пианино. До сих пор ощущаю через него связь с мамой.

Точнее, так было прежде, пока мачеха не продала мой инструмент.

Я погружаюсь в песню, постукивая пальцами по бедрам. В мелодию вторгается крик младенца, разрывая ее подобно пропущенной ноте. И словно по команде из-за гор выглядывает первый луч солнца, расцветивая небо приглушенными оттенками синего и золотого. Наблюдаю, как он омывает светом пригород у подножия гор, и у меня перехватывает дыхание. Где-то среди испещренной золотыми пятнами зелени находится дом моего детства, скромное загородное поместье, где я провела свои счастливейшие годы.

Пока все не изменилось.

Тогда я пела в последний раз.

И убила единственного человека, который меня любил.

Сглатываю обжигающий горло ком и вновь вслушиваюсь в нарастающую музыку. Она становится все громче, заглушая скрытую во мне печаль, постепенно превращающуюся в тихий шепот. Мелодия ускоряет ритм и в то же время замедляется, словно музыканты играют неслаженно. Я вновь начинаю постукивать пальцами, отбивая один такт, затем другой.

А потом слышу звон колоколов.

Сейчас разумнее всего спуститься и привести себя в порядок, пока мачеха не начала меня искать. Но солнце поднимается все выше, и я понимаю, что не могу отвести взгляд. Я замираю на месте, наблюдая, как становится ярче его золотой блеск. Улицу за улицей, оно целует Эванстон и в любой миг осветит даже Серый квартал.

Внутри вспыхивает тревога, но мятежный дух словно приковывает ноги к выступу дымохода. Я постою здесь. Еще немного...

– Эмбер! – разносится по квартире внизу резкий голос, и я ощущаю, как напрягается спина, а внутри возникает прежнее желание сопротивляться. – Эмбер Монтгомери! – снова зовет меня мачеха.

Закрыв глаза, я стискиваю зубы и тянусь к висящему на шее медальону. Крепко сжав его, пытаюсь успокоиться, делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю. А после, выпустив медальон, спускаюсь с дымохода и ползу к краю крыши. Подальше от мира. И от музыки.

Чтобы выполнить условия сделки, которую мне вовсе не следовало заключать.

Глава 2

Эмбер

Каждого человека на острове Фейривэй учат никогда не заключать сделки с фейри. Этот принцип усвоили задолго до того, как двадцать один год назад фейри поглотили людские земли и объединили их под своей властью.

Однако никто не предупреждает самих фейри – или полуфейри вроде меня – никогда не заключать сделок с людьми. Я часто задаюсь вопросом, пошла бы я на сделку три года назад, если бы мне с детства вдалбливали это предупреждение? Или вес горя и вины все равно не позволили бы мне отличить правду от лжи и распознать хитрость?

Впрочем, подобные вопросы все равно не помогут. Они не изменяют того, что я скована заключенной сделкой. И привязана к мачехе.

Еще на целых две недели.

Я снова слышу собственное имя, на этот раз ближе. Торопясь поскорее вернуться, спрыгиваю на навес над окном своей спальни. К счастью, квартиры в Сером квартале довольно тесно расположены, и мне остается совсем немного. И все же каждый раз, когда отпускаю карниз и касаюсь подошвами домашних туфель навеса, я ощущаю приступ паники. Однако, как всегда, все проходит гладко. Затем, сохраняя равновесие, спускаюсь на подоконник, пролезаю в окно и спрыгиваю на кровать. И почти бегом устремляюсь за выцветшую ширму, за которой обычно одеваюсь.

Миг спустя дверь в комнату распахивается.

– Эмбер! – рывкает мачеха. – Почему ты не внизу?

– Простите, миссис Коулман, – бормочу я, изо всех сил пытаюсь изобразить раскаяние.

Мачеха приближается к ширме, но, к счастью, за нее не заглядывает. Стоит ей заметить мой неряшливый вид, и она тут же поймет, что я была на улице.

– Чем оправдаешься сегодня?

Я стискиваю зубы, наливаю воду в таз для умывания и начинаю смывать с рук сажу.

– Едва рассвело, мачеха.

Она лишь раздраженно фыркает.

– Дел уже с утра хватает. Нам нужно попасть на площадь Сонсбери прежде... – Она вдруг замолкает, будто понимая, что со мной не стоит снисходить до объяснений, и вновь возвращается к обычному, уже испытанному средству. – Не спорь со мной. Просто подчиняйся! – медленно цедит она, и в тоне ее сквозит зловещий холод.

Сначала меня пронзает страх, а потом боль. Резкая, словно в живот вонзили железный клинок. Я сдерживаю крик, на лбу выступают капли пота. Я так сильно сжимаю края таза, что, боюсь, фарфор под пальцами может треснуть.

«Я подчиняюсь... подчиняюсь...» – повторяю про себя, пока боль не начинает стихать.

Одна из худших особенностей сделок в том, что, вынуждая повиноваться, они причиняют боль. Будь я настоящей фейри, непослушание могло бы даже убить. Но я лишь полукровка, и управляющая сделками таинственная магия причиняет мне меньше вреда.

– Я подчиняюсь, – наконец бормочу я вслух, но голос звучит не громче шепота.

Похоже, магия довольна, поскольку боль быстро отступает. Но мне хватает и столь краткого напоминания. Тело охватывает дрожь. Я прекрасно помню, что может случиться, если всерьез отказаться выполнить прямой приказ мачехи.

Миссис Коулман еще на шаг подходит к ширме.

– Ты меня слышала?

Я стискиваю челюсти, пытаюсь прийти в себя после краткой, но мучительной вспышки боли.

– Я спущусь, как только умоюсь и оденусь, – выдавливаю, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Мачеха довольно долго молчит.

– Отлично! – в конце концов бросает она. – Но поторопись. И закрой проклятое окно! Из-за тебя сквозняк во всей квартире.

Я слышу, как удаляются ее шаги.

Страх сменяется яростью, и в голове проносится ответ: *«В моей спальне всегда сквозняк, и закрытое окно здесь не поможет. Впрочем, что странного? Я ведь сплю на чердаке, глупая корова!»*

Само собой, я не осмелюсь сказать такое вслух.

Закусив щеку изнутри, разглядываю грязную воду в тазике.

– Еще две недели, – шепчу я.

И больше не придется терпеть. Мне исполнится девятнадцать, и я освобожусь от дурацкой сделки. И от *нее*.

Медленно выдохнув, разжимаю вцепившиеся в края таза пальцы и заканчиваю мыть руки. Потом стягиваю шерстяные рейтузы и ночную рубашку, надевая вместо них ставшую привычной повседневную одежду: чулки, нижнюю рубашку, корсет, сорочку, синюю шерстяную юбку и кремовую хлопчатобумажную блузу. Все вещи, поблекшие и заношенные, достались мне от сводной сестры Клары; корсет настолько ветхий, что я удивляюсь, как его пластины до сих пор не вонзились мне в тело.

Хотя это просто мелочи, учитывая, что мне приходится терпеть почти каждый день.

Погладив медальон, я расправляю золотую цепочку вокруг высокого воротника блузы. А потом надеваю кандалы. Вообще-то, речь о чепце, но с таким же успехом это могла бы быть цепь с подвешенным на ней шаром. Чепец скрывает столь ненавистную мачехе часть меня, которую за пределами дома никто не должен видеть.

Мои волосы.

Не бледно-голубые, как у мамы, а бирюзовые, того же оттенка, что и глаза. Такие однозначно вызовут шок в самых чопорных кругах высшего людского общества. Они выделяют меня из толпы, служа доказательством наследия фейри и того, что во мне течет кровь матери-сильфиды.

«Никогда не сдавайся. Обещай мне».

Стиснув зубы, я убираю бирюзовые пряди под ужасный чепец, сшитый из уродливой ткани в цветочек. Он вовсе не походит на милые шляпки, бывшие в моде лет двадцать назад. К тому же просто огромен и почти полностью затеняет лицо, отчего я выгляжу совершенно нелепо.

Глубоко вздохнув, я наслаждаюсь последним чудесным мигмом одиночества, а затем спускаюсь вниз, к уже начавшей ссориться неродной семье.

* * *

Спустя полчаса я шагаю по Серому кварталу следом за мачехой и двумя сводными сестрами, направляясь к центру города. Все три женщины семейства Коулман почти одного роста и внешне весьма похожи: со светлыми кудрями и бледными, надменными лицами. Клара ниже остальных на дюйм или два и младше меня на год, ей семнадцать. Иможден скоро будет двадцать, и она почти точная копия матери. По случаю выхода в город они привычно нацепили на себя лучшие платья, пальто и шляпки, пытаясь за роскошными нарядами скрыть правду о нашей бедности.

Я иду в нескольких шагах позади, поскольку на людях должна играть роль горничной и держаться в стороне. Мы петляем по окраинам Серого квартала, чтобы не столкнуться с

фабричными рабочими, и вскоре дымовые трубы и промышленные здания сменяются рядами тесно жмущихся друг к другу многоквартирных домов, лишь немного превосходящих по роскоши тот, где живем мы. Коулманы ускоряют шаг, похоже, веря, что в таком случае встречные ни за что не свяжут их с Серым кварталом.

Наконец, мы выходим на улицу Лидеров, и высокие, немногочисленные многоквартирные дома уступают место небольшим коттеджам. Даже цвета здесь кажутся ярче, а тротуары выглядят чище.

Тяжело вздохнув, миссис Коулман замедляет шаг, двигаясь теперь более размеренно.

– Зачем мы вернулись в Лунарию? – стонет Клара. – Почему не остались в Террии? Там было хорошо.

– Вот только перспектив никаких! – бросает миссис Коулман. – Ни тебе, ни Имоджен пока не удалось заполучить себе мужа. За три года мы не пропустили ни одного светского приема, но вы по-прежнему сидите у меня на шее.

Имоджен лишь усмехается.

– Мы были не на всех приемах. Может, тебе отвезти нас в Осеннее или Огненное королевство? Кажется, у тетушки Мари был коттедж неподалеку от дворца Пылающих кленов?

– Мари ведет грязную, распутную жизнь! – резко отвечает миссис Коулман. – Я не позволю тебе общаться с людьми такого сорта.

– Но почему мы приехали именно сюда? – спрашивает Клара. – Почему не могли открыть сезон в другом городе Лунарии, где нам не пришлось бы селиться в Сером квартале? Может, нам стоило остаться в поместье?

Сначала я не понимаю, о чем она. Но потом осознаю, что Клара говорит о доме моего отца, где мы жили все вместе, пока папа не умер. После его смерти миссис Коулман, не колеблясь, продала поместье, чтобы вести роскошную жизнь и посещать светские приемы. Поскольку в каждом королевстве светский сезон длится один определенный месяц, весь год можно найти, куда податься. И мачеха всю пользовалась этим, переезжая с места на место, арендуя дома, покупая роскошные наряды и строя хитроумные планы сближения с аристократией.

Но средства стали подходить к концу, и мачеха оказалась в Сером квартале. И мы вместе с ней.

– Милая Клара, поместье больше не наше, – поясняет миссис Коулман. – И мы не можем просто взять и заявиться к кому-либо пожить без приглашения.

– Потому что мы здесь почти никого не знаем. В Террии у нас хоть были друзья...

– Ты ведь знаешь, зачем мы здесь, Клара, – перебивает сестру Имоджен, окинув меня через плечо испепеляющим взглядом. – Совсем скоро Эмбер сможет заявить права на наследство покойного отца.

Я смотрю прямо перед собой, делая вид, что не слышу ее слов. Ничуть не сомневаюсь, что они попытаются отобрать у меня отцовские деньги – на самом деле довольно скромные. Но Коулманы сильно поиздержались за последние пару лет и с каждым днем впадают во все большее отчаяние. Как бы то ни было, когда наследство станет моим по закону, мачеха с сестрами не увидят от меня ни лунного камешка – так в Лунарии называются монетки. Впрочем, мне эти деньги тоже не достанутся. Как только получу наследство, я пожертвую его на благотворительность. И миссис Коулман некого будет обкрадывать, третировать и изводить.

Мачеха не заслуживает состояния моего отца. Впрочем, как и я.

Ведь именно я убила папу.

– Твоя сестра права, – поддерживает миссис Коулман. – Когда наступит срок заявить права на отцовское наследство, Эмбер нужно будет ехать во дворец Селены. Поэтому пришлось искать жилье неподалеку, но там, где можно рассчитывать хоть на какое-то подобие приличного общества.

В ее словах есть некий смысл. Эванстон – единственный людской город в радиусе двадцати миль от дворца неблагих правителей, где до тех пор, пока мне не исполнится девятнадцать лет, хранится мое наследство. Обычно неблагие правители не занимаются финансами людей, но после того, как в начале года умер отцовский душеприказчик, имущество передали короне. Его деньги и завещание отправили в ближайшее королевское хранилище, расположенное, само собой, во дворце Селены.

Мачеха вдруг понижает голос:

– Только подумайте. Если бы душеприказчик покойного Терренса Монтгомери не сошел следом за ним в могилу, нам ни за что не выпало бы шанса попасть во дворец Селены.

Имоджен лишь ухмыляется, явно уже что-то просчитывая.

– А может, дело в принце Франко? Он ведь до сих пор не женат.

При мысли об очередной затее сосватать Имоджен за феяри королевских кровей я с трудом подавляю стон. Принц Франко – брат и наследник Никсии, неблагодой королевы Лунарии. Вряд ли он поддастся несуществующему обаянию Имоджен, которая уже не раз безуспешно пыталась захомутать членов правящих семей.

Подняв брови, миссис Коулман одаривает дочь лукавым взглядом, и в голосе ее появляются певучие нотки:

– Возможно. Надеюсь, ты сможешь его очаровать?

Имоджен, внезапно помрачнев, поджимает губы.

– Конечно, мама. Если нам вообще удастся хоть на миг завладеть его вниманием.

– Даже не сомневайся, милая. Даю слово.

– Прежде чем Эмбер заявит права на наследство? Не хочу, чтобы между мной и принцем-вороном стояли какие-то обязательства. Иначе Эмбер может все испортить.

Последние слова Имоджен бормочет себе под нос, но мне вполне удается их расслышать. Я ловлю на себе ее хмурый взгляд.

– Я все устрою, – самодовольно обещает миссис Коулман.

Клара ахает от изумления.

– Так мы за этим идем к мадам Флоре?

Я даже не подозревала, куда лежит наш путь, и теперь лишь хмурюсь, пытаюсь скрыть удивление.

Мадам Флора – феяри, которая занимается плетением чар для людей. К ней приходят, чтобы с помощью иллюзий подправить внешность или просто создать наряд для предстоящего праздника. Прежде мне не доводилось бывать в ее лавке, но я знаю, что берет она довольно дорого. Зачем миссис Коулман тратит иссякающие средства на визит к мадам Флоре?

У Имоджен, должно быть, возникает тот же вопрос.

– Что ты задумала, мама?

Мачеха надменно пожимает плечами.

– Что, если мы получим приглашения на некий зачарованный бал, который устраивает сам принц-ворон? На всякий случай нужно подготовиться.

Сестры обмениваются радостными взглядами, но волнение Имоджен быстро проходит.

– Мама, маскарад Новолуния уже завтра вечером, – с сомнением произносит она. – Где мы, по-твоему, возьмем приглашения, ведь осталось-то всего ничего?

– Я же сказала, милая, что все устрою.

Я лишь качаю головой. Конечно, мачеха вполне может тратить деньги на бал, на который даже не приглашена, экономить на продуктах и угле для очага в угоду последним веяниям моды, продавать мое пианино...

Словно ощутив растущее во мне жгучее негодование, миссис Коулман резко оборачивается и, прежде чем я успеваю спрятаться за маской безразличия, ловит мой хмурый взгляд.

– Что за лицо, Эмбер? – тут же издевательски спрашивает Имоджен, судя по всему, тоже заметившая мое недовольство. – Завидуешь, что не пойдешь на бал?

Я даже не отвечаю. Правда в том, что я перестала завидовать сводным сестрам. Поначалу, когда со мной обращались как со служанкой, запрещали посещать балы и появляться в обществе, мне было очень больно. Но я три года помогала сестрам готовиться к одному грандиозному приему за другим и за это время поняла, что светские балы отнюдь не ограничивались столь притягательными для меня музыкой и танцами. На подобных приемах строились матримониальные планы, а малейшее отступление от принятых в обществе норм и правил тут же расценивалось как легкомыслие. Постепенно я убедилась, что во время танца лучше сидеть в оркестре, чем находиться посреди зала под руку с мужчиной.

– Сотри эту кислую усмешку! – бросает мне миссис Коулман скорее из желания досадить – хотя я даже и не думала усмехаться – и отворачивается.

Имоджен, однако, продолжает буравить меня презрительным взглядом.

– У тебя сажа на щеке? – фыркает она.

Я пытаюсь скрыть тревогу, но внутри поднимается паника. Неужели утром я забыла умыться? Рукавом пальто вытираю щеки.

Но Имоджен лишь сильнее веселится.

– Имя Эмбер тебе в самый раз, ты и впрямь, как настоящий уголек!¹ Но к чему рыться среди золы и пепла и искать румяна в дымоходе?

– Уголек хотя бы способен гореть, – бормочу я себе под нос.

Клара ухмыляется вместе с Имоджен.

– Сиротка Эмбер теперь стала поэтессой? Одни лишь умные слова и никакого толку.

– Не обращайтесь на нее внимания, – советует дочерям миссис Коулман, словно бы дразниться начала именно я. – Неважно, как ярко ты горишь. На тебя ведь все равно никто не смотрит.

* * *

Мы приходим в лавку мадам Флоры за пятнадцать минут до открытия.

– Мы слишком рано, – поникнув, произносит Клара.

На губах миссис Коулман расцветает довольная улыбка.

– Мы как раз вовремя.

Имоджен бросает взгляд на мать.

– Что ты имеешь в виду?

– Увидишь. Придется подождать.

– Может, скажешь, в чем дело? – Клара заглядывает в темное окно лавки.

Миссис Коулман оттаскивает младшую дочь в сторону и жестом подзывает Имоджен поближе.

– Я узнала из надежных источников... – Она вдруг напрягается и резко поворачивается ко мне: – Почему ты еще здесь?

Я стискиваю челюсти.

– А разве не должна? Вы сами привели меня сюда, мачеха.

– Не дерзи, девчонка, – цедит она сквозь зубы. – Ты меня прекрасно поняла. Почему ты до сих пор не ушла? Или правда думала, что мы потащим тебя с собой к мадам Флоре?

– Вы еще не дали мне другое поручение. Как ни странно, я не читаю ваши мысли, – последние слова вырываются сами собой. Знаю, что не стоило их говорить, поэтому поспешно нацепляю на лицо милую улыбку.

¹ Ember – уголь (англ.). (Прим. перев.)

Раздувая ноздри, миссис Коулман пронзает меня взглядом, словно кинжалом. Чуть помедлив, она неохотно лезет в сумочку и достает листок бумаги со списком продуктов. Конечно, ничего лишнего, только самое необходимое, поскольку каждый второй лунный камушек пойдет на наряды и развлечения.

Миссис Коулман машет мне рукой, торопя поскорее уйти.

– И не смей возвращаться, пока мы не закончим, – напутствует она. – Если справишься раньше... просто подожди в переулке.

В переулке. Кто бы сомневался.

«Еще две недели – и все закончится. Просто слушайся и повинуйся».

– Хорошо, – говорю я ровным голосом.

И спешу прочь от мачехи и сестер, но еще успеваю уловить обрывок фразы.

– ...принц Лунарии! – шепчет миссис Коулман.

В ответ раздается радостный визг Имоджен и Клары.

А больше я ничего не слышу и, завернув за угол, шагаю в сторону рынка.

Глава 3

Франко

– Ты и правда превзошла себя, – говорю я фейри, стоящей рядом с зеркалом.

Мадам Флора хлопает в ладоши; руки у нее темные, изящные.

– Я решила, что тебе понравится, – произносит висящая в воздухе фарфоровая маска, заменяющая ей лицо, но глубокий голос явно принадлежит женщине.

У Флоры нет шеи, которая соединила бы маску с остальной частью невысокого, полного тела, затянутого в элегантное черное платье. Складки ткани колышутся вокруг нее, словно тени, гонимые несуществующим ветром.

Я медленно поворачиваюсь кругом, оценивая свое отражение, и изо всех сил пытаюсь не рассмеяться. Конечно, мадам Флора вряд ли бы обиделась. Но мне нужно научиться сохранять невозмутимость, надевая на себя эти нелепые, хотя и превосходные чары.

Довольный предложенным, я снимаю с шеи черный шелковый шарф, и чары тут же исчезают.

Забрав у меня шарф, Флора почтительно обертывает его тканью, а потом убирает в черно-золотую коробку. Сколько бы я ни просил ее не переводить столь прекрасную упаковку на мне подобных, она просто не обращает внимания. И даже шипит. Предложить такое – самый верный способ ее оскорбить.

– Не хочешь примерить другие? – спрашивает она; нарисованные на фарфоровой маске красные губы не двигаются.

– Конечно хочу.

Я беру предложенную нитку черных турмалиновых бус и смотрю на себя в зеркало, затем надеваю ожерелье на шею и расправляю его на груди. В мгновение ока отражение меняется, и в зеркале я вижу... себя. Те же разделенные пробором серебристые волосы, местами достигающие почти до плеч, заостренные уши, такие же глаза. Выдавлив улыбку, я замечаю, что она вплела в иллюзию даже удлиненные клыки.

Флора парит рядом, оценивающе рассматривая меня нарисованными немигающими глазами.

– Почти идеальная копия, верно?

– Более чем. Как ты додумалась до подобного наряда?

Я верчусь из стороны в сторону, любясь накидкой из черных перьев, ниспадающей почти до пола, сапогами на каблуках, низко сидящими на бедрах узкими штанами. Я отбрасываю накидку в сторону, словно бы она настоящая, и чары подчиняются, открывая заднюю часть штанов.

– Задница выглядит просто потрясающе. Ты ее увеличила?

– В угоду твоему тщеславию.

Усмехнувшись, я выпускаю накидку и принимаюсь разглядывать рубашку – свободного покроя, из розового кружева, с оборками. К ней не прилагается ни жилета, ни галстука, и шея остается открытой. Оттянув воротник в сторону, я замечаю намек на черные чернила.

– Ты даже правильно сделала татуировки.

Она пожимает плечами.

– Не так уж это и трудно.

Я смотрю на нее с ухмылкой.

– Потому что я редко ношу нормальные рубашки?

– Отчасти, – почти весело соглашается она, но лицо по-прежнему ничего не выражает.

– Ну, мне достались лучшие учителя. Ты видела, как одевается Никсия?

Не отрывая взгляда от зеркала, я снимаю ожерелье. И мгновенно становлюсь самым собой. Особой разницы не видно, лишь броский наряд меняется на черные штаны и льняную рубашку цвета индиго. Как бы мне ни хотелось набросить чары и носить их целый день, для розового кружева еще слишком рано. Или уже поздно? Лучшие празднества с оборками и кружевами длятся по меньшей мере до восхода солнца...

Взяв у меня ожерелье, Флора заворачивает его так же тщательно, как и шарф.

– Кстати, о твоей сестре. Как она?

От этого вопроса внутри возникает железная тяжесть.

– Она... в порядке. Разве что бросила меня и все такое. – Последние слова я пытаюсь свести к шутке, но вздрагиваю, уловив сквозящие в своем голосе горькие нотки.

Чуть помедлив, фейри одаривает меня подобием пристального взгляда, хотя выражение на маске вовсе не меняется.

– Похоже, ты совсем не рад, что на этот раз сезон во дворце предстоит проводить тебе.

– Это мой долг, – мрачно отвечаю я, даже не пытаюсь притворяться.

Отвернувшись, сую руки в карманы и медленно иду вдоль полок, что тянутся по стенам от пола до потолка. В каждом отделении лежат на первый взгляд безобидные предметы: пара перчаток, шляпка, ожерелье. Но я знаю, что каждый из них содержит свои чары. Какие-то делаются на заказ, в соответствии со вкусом покупателя, вроде тех, что она изготовила для меня. Остальные воплощают различные блестящие задумки самой мадам Флоры.

Я беру пару запонок, гадая, что за чары в них вложены.

– Никсия настойчиво стремится улучшить мою репутацию, чтобы я мог заслужить уважение людской части населения. Поэтому она настаивает, что сезон в этом году я должен полностью взять на себя. Все для того, чтобы воспитать из меня достойного наследника.

«Хотя в этом нет особого смысла», – мелькает мысль.

К чему мне занимать место сестры и становиться королем? Разве что Никсия погибнет. Однако, как и все фейри, она бессмертна. Маловероятно, что ее смертельно ранят ясеневым колом или железной пулей – и то и другое запрещено на Фейривэе. Так что вряд ли я проживу дольше сестры.

– А разве не благому правителю полагается снискать людское одобрение? – спрашивает Флора.

– Да, если следовать обычаям. – И вновь я даже не пытаюсь скрыть горечь.

Вообще-то, Флора права. Во всех королевствах Фейривэя есть благие и неблагие правители. Они состоят в Верховном совете и правят каждый из своего дворца. Благой правитель ведаёт гражданскими делами, поддерживает мир и отвечает за связи с людской частью населения, решает экономические и финансовые вопросы, рассматривает прошения. В свою очередь, неблагой следит за поддержанием старых традиций, заведует вопросами, связанными с природой, и защищает диких фейри. От неблагих правителей, вроде моей сестры, вовсе не ждут, чтобы те впускали во дворец людей или рассматривали их прошения. По крайней мере, так было до восстаний.

С тех пор как одиннадцать лет назад в Лунарии, Бризее и Весении вспыхнули несколько стычек, наши королевства решили теснее взаимодействовать с людским населением. Поскольку я сам загубил первую попытку показать нашу благосклонность, теперь мы раз в год на целый месяц открываем дворец Селены для проведения светских приемов.

В этом году мне впервые надлежит самому принимать гостей. Поистине тяжкий жребий.

– Не сомневаюсь, что ты выдержишь месяц изысканных приемов и балов, – хмыкает Флора. Она явно не видит в моих обязанностях ничего сложного. Может, и так, но все же...

Я издаю смешок.

– В прошлый раз, когда я принимал участие в подобных действиях, то снискал себе славу подлого мерзавца. – Отложив запонки, я поворачиваюсь к Флоре. – К тому же все несколько

сложнее. Несмотря на собственные принципы, Никсия хочет, чтобы я стал как можно ближе к людям, принимал участие в увеселениях в саду, посещал театр, целовал ручки дочерям аристократов...

– Какой ужас! – насмешливо бросает Флора. – Тебе придется пару раз выйти из дворца и пообщаться с подданными.

– Вообще-то, люди не мои подданные. Ими должен заниматься благой король.

– Чего вы боитесь, ваше высочество?

Я кладу руку на бедро.

– Боюсь? Я? Чего мне бояться?

– Лишь ты знаешь ответ.

Сперва мне хочется просто отмахнуться, но она говорит вполне серьезно, и я немного ослабляю защиту. Я мало что могу скрыть от Флоры, да и не считаю нужным это делать. Пусть сейчас она слышит мастерицей чар, но когда-то занималась политикой. Много лет назад она служила советницей матери и с тех пор стала для меня почти бабушкой. На самом деле она была рядом со мной гораздо дольше, чем мать. И ни разу не скрывала, что думает, обращаясь со мной с безжалостной честностью. Именно это мне в ней нравится, поскольку я довольно редко встречаюсь с подобной откровенностью. Все остальные просто-напросто готовы лизать мне задницу.

– Ты ведь знаешь, что случилось в прошлый раз, когда я общался с людьми, – осторожно говорю я. – А теперь... Ну, ты в курсе моего отношения к нелепым людским обычаям. Я терпеть не могу их ханжеские правила поведения. Хуже только родители, которые подсовывают мне незамужних дочерей, желая, чтоб одна из них завоевала меня, как какой-то военный трофей.

– Я работаю в этом городе уже десять лет, – усмехнувшись, произносит Флора. – И за это время многое узнала о людях и их странных привычках. Муж для них сродни военной награде, и это вовсе не глупость. Для некоторых женщин найти достойного мужа означает переступить черту от бедности к комфорту.

– Все дело в устаревших традициях. Они сами выбирают блюсти целомудрие, следовать правилам этикета и придают большое значение положению в обществе. Все эти ценности остались с тех времен, когда люди острова склонялись перед людским королем. Фейри выиграли войну, и мы освободили людей от короля Григория. Но теперь они словно бы ждут, что правители-фейри займут его место.

Флора подходит ближе.

– Они не знают ничего другого, мой принц. С объединения острова прошел лишь двадцать один год. Не жди, что они изменятся так скоро, – мягко говорит она.

– В том-то и дело. Меняются не только люди, но и сами фейри. С каждым годом я все чаще думаю, что мы становимся похожи на людей.

– А разве это плохо?

– Для неблагих – да. Если Фейривэй станет слишком цивилизованным, неблагие просто перестанут существовать. Ты и сама это знаешь.

Лишь при мысли об этом по телу пробегает дрожь. Давным-давно, до того как люди пришли на остров, здесь жили лишь неблагие фейри. Я тогда еще не родился, но слышал истории. Фейри были дикими созданиями, неземными духами, силами природы. Потом остров обнаружили люди и начали общаться с ними. Они учили нас языку, делились едой, предлагали одежду. Фейри, благосклонно смотрящие на эти подношения, постепенно начали физически меняться. Их тела становились похожи на человеческие, они лучше понимали людские чувства. В результате появились те, кого мы сейчас называем благими.

В свое время возникало много споров о том, что на самом деле значит быть фейри. Следовать древним традициям или принять изменения? Из-за этого вопроса лилась кровь, фейри

сражались друг с другом, выигрывая и проигрывая. Когда закончилась последняя война, на острове провозгласили закон, согласно которому каждой из сторон позволили существовать сообразно собственным желаниям.

Полагаю, и людей все это касается в той же мере.

Я опускаю плечи; внутри шевелится какое-то тревожное чувство. Этот разговор мне совсем не нравится, и приятная веселость, которую я ощущал всего несколько мгновений назад, внезапно испаряется. Но я пускаю в ход проверенное средство, которым пользуюсь всякий раз, как мне становится не по себе, – просто не воспринимаю ситуацию всерьез.

– Да ладно, Флора. Если бы ты посетила прошлый сезон, то сейчас бы со мной не спорила. Это почти так же ужасно, как наблюдать за размножением гарпий, разве что вместо секса будут вежливые беседы, неуклюжие танцы и огромная куча правил.

Флора хихикает.

– Тогда, может, в этом году я загляну. Полюбуюсь на твои страдания.

При одной лишь мысли об этом я расплываюсь в улыбке.

– Пожалуйста, Флора. Вообще-то, ты можешь на месяц поселиться во дворце. И даже продавать там свои товары. Я планирую устраивать лишь зачарованные балы, и у тебя будет куча клиентов. Все будут стремиться, чтобы следующие чары оказались ослепительнее предыдущих.

– Неужели я слышу отчаяние?

– Даже не сомневайся. Пожалуйста, спаси меня от скуки. Никсия с Лорелеей на весь месяц уезжают в романтический отпуск, и управление Лунарией полностью ляжет на мои плечи.

– Как ты можешь заскучать, если будешь править королевством?

– Даже не хочу выяснять. Приезжай. С твоими чарами жизнь намного интересней.

Мои слова далеки от лести. Большинство фейри, включая и меня, способны создавать чары, но мы ограничены собственными силами и воображением. А творения Флоры – это чудеса искусства. У нее особый талант соединять чары с тем, на кого они наложены. Я не знаю других чаровниц, способных на такое. Большинство чар фейри – всего лишь иллюзии, а ее магия принимает физическую форму, сливаясь с тем, кто примеряет ее на себя.

– Я подумаю об этом, – говорит она неубедительно и протягивает мне мои две коробки. – Какие чары наденешь сначала?

Я поднимаю брови.

– Разве ты не хочешь узнать? А вдруг я собираюсь на первый бал надеть и те и другие?

Флора ничего не говорит, но я чувствую, как она закатывает невидимые глаза. Маска кивает в сторону двери, ведущей в основную часть лавки.

– Полагаю, лучше заранее предупредить, что тебя ждут зрители. Точнее сказать, толпа женщин.

Я бросаю взгляд на дверь, от ужаса широко распахивая глаза.

– Что? Они ждут в лавке?

– Они еще не вошли, – поясняет она. – Ждут на улице. Как бы то ни было, похоже, тебя узнали. Иначе зачем, по-твоему, все это время я держу тебя в задней комнате?

– А я уж решил, что именно здесь ты обслуживаешь самых важных клиентов, – поддразниваю я.

Но стоит лишь подумать, что мне придется выйти из лавки к кучке жаждущих заполучить себе мужа светских львиц, как от лица отливает кровь. Интересно, кто во дворце не умеет держать язык за зубами, направо и налево болтая о том, куда я отправился? Позже придется выяснить. Но сперва нужно отсюда выбраться. Может, если я приму облик ворона...

Флора фыркает от смеха. Мои мучения ее явно забавляют.

– Выходи через заднюю дверь. Я отвлеку твоих многочисленных поклонниц.

– Спасибо, – выдыхаю я, облегченно закрывая глаза.

Флора ведет меня к двери в дальнем конце комнаты, а я пораженно останавливаюсь, потому что внезапно понимаю, что сейчас она на голову выше меня. Исчезли полное тело и летящие одежды. Вместо них теперь я вижу высокую стройную фигуру в черном шелковом вечернем платье. Руки ее скрыты длинными белыми перчатками. Маска никуда не делась, но теперь она скрывает лицо, похожее на человеческое, обрамленное длинными прядями черных волос.

– В таком виде ты встречаешь клиентов-людей? – спрашиваю я.

Как и у всех фейри, у Флоры два физических воплощения – благое и неблагое, и она легко может менять одно на другое. Неблагая форма – это наша природная суть, тогда как благая создана по образу и подобию человека. Хотя некоторые люди используют понятия «низшие» и «высшие» фейри. Что, честно говоря, довольно грубо.

– Думаю, им так спокойнее, – поясняет Флора. – Чтобы ослабить завязки кошелька, нет ничего лучше привычного образа с легким налетом загадочности.

– Точно так же можно сказать и о корсажах. – Издав тихий смешок, она шлепает меня по руке затянутой в перчатку ладонью. Я же становлюсь более серьезным. – Ты хотя бы придешь на завтрашний бал? Пожалуйста, скажи «да».

– Я подумаю об этом, – ровным тоном произносит она.

Зажав коробки под мышкой, я толкаю дверь и, махнув рукой, выхожу на улицу.

– Спасибо за все, Флора.

Она машет в ответ и закрывает дверь за моей спиной.

Вздыхнув, я оборачиваюсь и с облегчением обнаруживаю, что переулок восхитительно пуст. Или... нет?

Вот проклятие.

Глава 4

Эмбер

Пробило девять утра, когда я возвращаюсь, исполнив поручение, но лавка до сих пор так и не открылась, и Коулманы все еще топчутся возле двери. Опасаясь гнева мачехи, я тут же сворачиваю прямо в переулок, чтобы подождать там. Спустя несколько минут не спеша иду назад, чтобы проверить. Потом еще раз. И еще. Они до сих пор стоят у двери. Впрочем, как и остальные. За мачехой с сестрами уже собирается целая очередь, в основном девушки примерно моего возраста. Неужели все они здесь, чтобы купить чары для бала? Хотя сомневаюсь, чтобы туда пригласили половину дам Эванстона. На королевские празднества не так-то легко попасть.

Примерно в шестой раз проверив главный вход в лавку, я снова возвращаюсь в переулок. Меня раздражает, что вообще приходится ждать на улице. Раз уж я все равно веду себя как горничная, почему нельзя взять меня с собой внутрь?

Прислонившись к задней стене здания, я издаю разочарованный стон.

«Еще две недели... две недели...» – повторяю я про себя, мысленно представляя перед собой билет на поезд, надежно спрятанный в кармане пальто. Осталось потерпеть совсем немного, и я буду свободна.

Пальцы подрагивают, желая коснуться клавиш пианино. Прошло слишком много времени с тех пор, как я играла в последний раз, изливая в музыке спрятанные внутри страхи. Закрыв глаза, склоняю голову, сопротивляясь искушению сорвать с головы чепец. Кончики пальцев постукивают по бедру, следуя за рождающимися в голове нотами.

Раздавшийся справа звук отвлекает меня от воображаемой песни. Повернувшись, я вижу, как распахивается дверь и из-за нее доносятся голоса. Я невольно подношу руку к медальону и делаю шаг назад, а потом еще один. Наконец, дверь закрывается, и в переулке возникает высокая, стройная фигура в изысканной темной одежде, несущая пару маленьких коробок. Фейри, судя по заостренным кончикам ушей. Он вглядывается в противоположный конец переулочка, а затем, вздохнув, поворачивается ко мне.

На долю секунды его лицо согревает ослепительная, довольная улыбка; он чуть приоткрывает губы, обнажая кончики заостренных клыков. Я даже не могу пошевелиться, очарованная его поразительной красотой. Большинство мужчин фейри великолепны в благой форме, но этот, с захватывающей дух улыбкой...

Я ловлю взгляд серебристо-голубых глаз, и улыбка фейри тут же исчезает. Он хмурится. Я чувствую, как от его внезапной смены настроения веет холодом: словно тучи закрыли солнце.

Внезапно в голову приходит пугающая мысль.

Серебристые волосы.

Заостренные зубы.

Небрежно расстегнутый воротник рубашки, в вырезе которого виднеется слишком много кожи.

Я знаю, кто это. Принц Франко. Хотя я никогда не видела его вживую, но слышала, как описывают их с сестрой. И не только внешне.

Пугающий.

Сильный.

Вампир.

И не важно, что он якобы не пьет кровь и считается весьма завидным холостяком. Я ощущаю, как от презрения, сквозящего в сердитом взгляде, начинают дрожать колени.

– Вам не кажется, что это уже чересчур? – равнодушно спрашивает он, растягивая слова. Я моргаю несколько раз. И когда наконец нахожусь с ответом, голос дрожит:

– Прошу прощения?

Закатив глаза, он отворачивается и качает головой. Похоже, уже решил, что я больше не стою его внимания.

– Умно, признаю. И что дальше? Сделаете вид, что потеряли сознание в надежде, что я подхвачу вас на руки и влюблюсь без памяти? Или даже не станете притворяться и просто наброситесь на меня? Дайте угадаю. На вас нет нижнего белья.

Услышав снисходительный тон, я начинаю злиться. Страх уносится прочь, как подхваченный бурей лист, а вместе с ним исчезает и кратковременное дурацкое очарование. Присмотревшись, теперь я вижу не худощавое тело и чувственные губы, а высокомерную позу и властную усмешку. Он такой же, как и другие заносчивые аристократы, с которыми общались Коулманы. Да, честно говоря, он и от них недалеко ушел, весьма напоминая своим высокомерием мачеху, Имоджен и Клару.

Колени больше не дрожат, и я сжимаю руки в кулаки. Знаю, что мне следует молчать. Я вполне в этом преуспела – дома каждый день с лихвой хватает практики. А ведь сейчас передо мной принц, поэтому тем более нужно вести себя подобно кроткой и застенчивой служанке. Низко поклониться, отойти в сторону и сделать вид, что я вообще его не видела.

Так будет правильно.

Но есть в нем что-то, разжигающее во мне бурю. И слова срываются с губ прежде, чем я успеваю их остановить:

– О чем вы говорите?

Он усмехается.

– Разыгрываете скромность? Эта тактика мне тоже знакома. Поверьте, в вас нет ничего особенного.

Я чувствую, как вспыхивают щеки, но прежде, чем успеваю что-либо ответить, он заговаривает снова.

– Нет, это грубо. Простите. – Судя по тону, принц вовсе не извиняется. Снова окинув меня взглядом с головы до ног, он изгибает брови, будто говоря, что ничуть не впечатлен. Упершись свободной рукой в бедро, он принимает небрежную позу. – Вы поступили достаточно умно, загнав меня здесь в угол и никого не известив о своих планах. Так что вперед. Заслужили.

Я лишь прищуриваюсь.

– Заслужила что?

– Вы можете сказать, зачем пришли. Что вы предлагаете? Сбежать отсюда вместе и тут же пожениться? Устроить свидание возле стены в переулке? Само собой, я откажусь, но вы заслужили мое внимание на... – он смотрит на свою ладонь, делая вид, будто держит невидимые часы, – тридцать секунд.

Я чувствую, как от ярости начинают дрожать плечи. Разумная часть меня советует проглотить гордость и просто уйти. Но другая, без сомнений принадлежащая феяри, отказывается молчать.

Я делаю шаг к высокомерному мужчине.

– Вы слишком много на себя берете, ваше высочество...

– А, так вы меня знаете. Стало быть, больше нет смысла играть в «неузнавайку».

– Я здесь не для того, чтобы загонять вас в угол, набрасываться или предлагать свидание в переулке, – последние слова я уже произношу сквозь зубы. – И пусть вам трудно поверить, но не каждая молодая женщина на Фейривэе слабеет и мямлит в вашем присутствии, умоляя лечь с нею в постель и повести к алтарю. Честно говоря, любая, у кого есть хоть капля мозгов, поняла бы, что вас вообще стоит избегать.

Он издает лающий смешок.

– Неужели? У меня столь впечатляющая репутация?

Скорее, распутная. Все знают, что принц – настоящий повеса. По городу гуляют слухи о его многочисленных любовницах. Поговаривают, что он почти играючи разбивает женские сердца. Прежде я никогда не обращала на эти громкие истории особого внимания, но теперь...

– Ладно, все это мило, – решительно бросает он, – но я не услышал ничего нового. Вы ненавидите меня, презираете, вы не такая, как другие девушки. Мне говорили это много раз. И все же почти всегда в конечном счете пытались поцеловать, – уголком рта усмехается принц. Он явно на что-то намекает, и я чувствую, как еще сильнее вспыхивают щеки.

– Я не стану тебя целовать даже за деньги! – бросаю я. – Уж лучше поцелую тролля в...

– Тридцать секунд истекли, – сообщает он.

За спиной принца как по волшебству почти во всю ширину переулка разворачиваются огромные крылья с черными перьями. Он взмахивает ими, и я, вздрогнув, почти отпрыгиваю назад, когда порыв воздуха чуть не сносит чепец у меня с головы. Даже не взглянув на меня, принц отталкивается от земли и устремляется ввысь.

– Смелая попытка! – слышится у меня над головой, а потом, взлетев над зданиями, он исчезает из виду.

– Я скорее поцелую тролля в задницу! Вот что я хотела сказать! – кричу я в пустое небо, но не получаю ответа.

Я замираю на месте, хмуро глядя на облака. Время идет, но ярость и не думает стихать, все так же вместе с кровью струясь по венам. Что есть силы стискиваю руки в кулаки, из-за чего на ладонях наверняка останутся следы-полумесяцы от впившихся ногтей. Встряхнувшись, я разжимаю руки. Окажись рядом пианино, в попытке излить свою ярость я бы, наверное, просто расколотила клавиши. Но сейчас у меня нет возможности выплеснуть чувства в музыку, и остается лишь бормотать себе под нос. Только это ничуть не помогает, и я показываю ни в чем не повинному небу грубый жест.

– Эмбер, почему ты так долго?

Опустив руку, я быстро оборачиваюсь и замечаю стоящую у входа в переулок Клару. Скрестив руки на груди, она пронзает меня сердитым взглядом.

– Мы закончили целую минуту назад.

Я глубоко дышу, чтобы успокоиться, и, немного придя в себя, дрожащими руками разглаживаю складки юбки.

– Извини, – произношу я, поспешно направляясь к сестре.

Но Клара уходит прежде, чем я успеваю подойти, даруя пару лишних мгновений, чтобы попытаться забыть выбившую меня из колеи перепалку с принцем.

* * *

– Принц, – задумчиво вздыхает Клара, кружась посреди комнаты. Юбки ее созданного чарами платья выются у лодыжек, задевая расставленную по гостинной мебель. – Думаешь, ему понравятся мои чары?

Честно сказать, нет. После встречи с этим грубым сыном гарпии я не сомневаюсь, что принц любит лишь самого себя. Но ведь меня не спрашивали. Проглотив рвущийся с языка ответ, я принимаюсь еще яростней скрести пол вокруг плиты, представляя перед собой лицо принца.

– Какая разница, у нас ведь все равно нет приглашений на бал, – подает голос сидящая на диване Имоджен, переворачивая страницу книги. Впрочем, сомневаюсь, что она вообще читает.

Когда мы вернулись домой, сестра сменила роскошный наряд, в котором выходила в город, на поношенное домашнее платье. Еще год назад она ни за что не стала бы носить нечто подобное. Однако миссис Коулман продала почти все платья, оставив не так много приличной

одежды, и сестры с мачехой надевали ее лишь при необходимости, всеми силами стараясь не порвать и не испачкать.

– Хотелось бы послушать, что задумала мама, – произносит Имоджен.

Перестав кружиться, Клара стягивает с рук шелковые перчатки. Как только она снимает первую, чары исчезают и сестрица остается в тускло-серой юбке и блузке.

– Изначальный мамин план уже провалился, – шепчет она, бросая быстрый взгляд в сторону спальни миссис Коулман. – Почему мы не встретили принца? Он ведь должен был прийти в лавку.

Имоджен пожимает плечами.

– Может, мадам Флора соткала ему чары невидимости.

Усмехнувшись, я опускаю ниже голову и продолжаю скрести грязный пол. Догнав мачеху с сестрами, я почти сразу поняла – что-то пошло не так. И пусть они удачно купили все, что собирались, заставив меня нести домой три коробки, но миссис Коулман, похоже, злилась еще больше, чем обычно. Знали бы они, как мало потеряли, не застав принца возле лавки. С другой стороны, я бы дорого дала, чтобы взглянуть, как вместо меня он высмеивает одну из сводных сестер. Интересно, с ними он вел бы себя так же, как со мной? Или принцу-плейбою польстило бы внимание женщины, одетой отнюдь не в платье горничной?

Клара садится рядом с сестрой на диван.

– Может, он вышел через другую дверь.

Застыв, Имоджен захлопывает книгу и поворачивается ко мне.

– Эмбер, ты его видела? Он вышел в переулок?

Уже не в первый раз я благодарю судьбу, что могу говорить неправду. Лишь чистокровные фейри не способны напрямую лгать.

– Я не видела.

– Ты можешь представить Эмбер рядом с принцем? – фыркает Имоджен, обращаясь к Кларе. – Что она вообще ему скажет?

«Выражу надежду, что Всесущая поразит его во сне и утащит в преисподнюю на пылающей железной колеснице». Вспыхнувшая мысль вызывает у меня улыбку на губах, и я продолжаю усердно скрести каменный пол.

Клара окидывает меня недружелюбным взглядом.

– Вряд ли Эмбер волнуется встреча с принцем. Она не собирается замуж.

Я молчу, вовсе не пытаюсь спорить, ведь Клара права. Даже если бы миссис Коулман не запретила мне думать о замужестве, пока не пристроит своих дочерей, я бы все равно не питала никаких надежд на брак. Никто не захочет взять в жены девушку вроде меня – слишком дикую, чтобы считаться человеком, но чересчур покорную для фейри. Такая никому не подойдет. А если она еще и виновна в убийстве человека, которого любила больше всех на свете...

Раздается стук в дверь, и я, нахмурившись, замираю со щеткой в руках.

Поскольку миссис Коулман любит притворяться, что мы здесь вообще не живем, к нам редко кто-либо приходит. Сюда даже не носят почту, мачеха предпочитает сама забирать ее в городе. Кстати говоря, сегодня по пути домой мы зашли за письмами, и миссис Коулман, просмотрев немногочисленные конверты, даже не став открывать, презрительно сунула их в сумочку. Несомненно, она ждала чего-то важного.

– Почему ты еще здесь? – насмешливо бросает Имоджен. – Иди открой дверь.

Вздыхнув, я опускаю щетку в ведро с водой и вытираю руки о передник. Выйдя в коридор, открываю дверь, но за ней никого нет. По крайней мере, на первый взгляд.

Однако, опустив глаза, я натякаюсь на огромную белую сову, сидящую на небольшой коробке. В когтистой лапе она держит конверт.

– Эмбер Монтгомери? – спрашивает сова, но глубокий женский голос исходит не из клюва, а словно бы откуда-то изнутри.

– Да, – не колеблясь, подтверждаю я.

– Посылка и письмо для вас.

Я застываю на месте, уставившись на сову. Дело не в том, что меня удивляет говорящая птица. Вообще-то, ничуть. Если захотят, фейри способны разговаривать в любой ипостаси, и я не в первый раз встречаю в Лунарии сов. Только в Эванстоне они не разносят почту. Это людской город, и письма доставляют почтовые курьеры. Странность в том, что мне – именно мне – вообще что-то прислали. За три года я не получила ни одного письма, не говоря уж о посылках.

Сова наклоняет голову.

– Может, все же возьмете письмо? Я посланец, а не почтовый голубь. У меня есть другие дела. И по возможности я бы предпочла не торчать на одной ноге на пороге вашего дома.

– Простите.

Наклонившись, беру конверт из ее лапы. Я слишком озадачена, чтобы спросить, почему посланец разносит почту, – конечно, если она говорит правду.

Послы служат членам королевских семей, правителям Фейривэя. И что одной из них могло понадобиться от кого-то вроде меня? Может, она меня с кем-то спутала? Но я не успеваю спросить.

Стоит лишь взять письмо, как сова улетает, оставляя загадочную коробку на пороге квартиры.

Глава 5

Эмбер

Зажав коробку под мышкой, я закрываю дверь и прислоняюсь к стене. Верчу в руках конверт, рассматривая изящный почерк. Без сомнений, письмо адресовано мне. Что же касается отправителя...

Широко распахнув глаза, я читаю имя, написанное рядом с обратным адресом. Джемма Бельфлёр, пара неблагого короля Зимнего королевства. В последний раз мы разговаривали с ней больше года назад.

Когда мы жили в Зимнем королевстве, у нас с Джеммой сложились теплые отношения. Но все изменилось в одночасье. Имоджен устроила скандал, поскольку, несмотря на все ее усилия, король все же предпочел ей Джемму, и нам пришлось уехать в другое королевство. И пусть даже после отъезда Джемма просила меня ей писать, я не стала. Отчасти потому, что стыдилась поведения своей семьи. В основном же просто не верила, что кому-то важному, вроде нее, вообще будет до меня дело. Джемма по-доброму ко мне относилась, но вряд ли хоть кто-то назвал бы нас подругами. Или я ошибаюсь?

– Что это?

Передо мной вдруг возникает миссис Коулман. Погрузившись в свои мысли, я даже не заметила ее приближения.

Широко раскрыв глаза, мачеха рассматривает коробку.

– Это для меня.

– Конечно нет!

Выхватив письмо у меня из пальцев, она выдергивает зажатую под мышкой коробку и поспешно шагает в гостиную.

Я иду вслед за ней, чувствуя, как щеки опалает жаром.

– На письме мое имя! – бросаю я, и голос дрожит от сдерживаемой ярости. – Оно от Джеммы Бельфлёр.

– Джемма Бельфлёр! – Имоджен вскакивает с дивана, на лице ее читается потрясение. – Что нужно от тебя этой грязной шлюхе?

– Вас это не касается! – сообщает миссис Коулман. Проществовав мимо дивана, она несет посылку к себе в комнату.

Имоджен лишь открывает рот.

– Мама! В чем дело?

Мне тоже интересно. Но спросить я не успеваю. Вскрикнув, мачеха вдруг замирает возле спальни и, будто бы обжегшись, роняет письмо и посылку.

Я бросаюсь вперед, и Имоджен с Кларой не отстают. Но я все же успеваю первой и поднимаю присланное Джеммой. Коробка холодная на ощупь, и там, где ее касались руки миссис Коулман, покрыта крошечными кристалликами льда. Впрочем, под моими ладонями лед быстро исчезает.

Мачеха растягивает губы в усмешке.

– Что все это значит? Я ведь сказала, что посылка не твоя.

Она пытается забрать у меня коробку, но тут же отдергивает руку, потому что под ее пальцами мгновенно возникают новые ледяные кристаллики.

– Кажется, она не согласна, – сообщаю я.

Возмущенные Коулманы толпятся рядом со мной.

– Почему ей прислали подарок? – бормочет Клара.

Имоджен багровеет.

– Откуда мисс Бельфлёр знает, где мы живем?

– Тихо, – шипит миссис Коулман, а затем обращается ко мне: – Открывай у меня на глазах. Или забудь о ней.

Отчасти мне хочется взбунтоваться и просто предложить мачехе сразу бросить посылку в огонь. Миссис Коулман явно что-то скрывает. Запрети я ей взглянуть на содержимое коробки, она тут же придет в ярость. Но хотя мне безумно хочется сорвать лелеемые мачехой планы, любопытство побеждает. Я не смогу оставить подарок нераспечатанным. К тому же заключенная с миссис Коулман сделка все равно вынудит меня повиноваться.

– Хорошо.

Сунув коробку под мышку, я начинаю с письма. Стоит только коснуться печати, как от волнения меня прошибает пот. Вскрыв конверт, я извлекаю четыре прямоугольные карточки с позолоченными краями. Но прежде чем успеваю что-либо прочесть, миссис Коулман выхватывает их у меня из пальцев. Может, и в этот раз ее обожжет льдом? Но нет, похоже, сейчас мне не везет.

Прижавшись друг к другу, Клара с Иможден рассматривают карточки, а миг спустя начинают радостно визжать.

– Мы пойдем на бал! – вопит Иможден, хватая Клару за плечи. – Мама, как ты это сделала?

Странно, что Иможден спрашивает мать, ведь приглашения пришли от Джеммы Бельфлёр, в письме на мое имя. Однако ползущий по спине страх подсказывает, что в словах сестры вполне может содержаться правда.

Пока девочки по-прежнему визжат и скачут по гостиной, я снова заглядываю в конверт и достаю короткое письмо, адресованное мне и подписанное Джеммой. Я начинаю читать про себя. Сестры вдруг замирают, а взгляд миссис Коулман прожигает меня насквозь.

Дражайшая Эмбер,

Признаюсь, спустя столько времени я была очень рада получить от тебя весточку. С тех пор как вы с семьей уехали, мне очень тебя не хватало, хотя не могу сказать того же о твоих домашних.

Кроме того, меня весьма порадовало твое стремление попасть на танцы во дворец Лунариш. Говорят, там будет зачарованный бал и довольно роскошный прием. Хотя, признаюсь, я удивлена. Ты настолько рвешься на бал, что попросила приглашение не только для себя, но и для троих недостойных членов своей семьи? Это так необычно! словно бы вовсе не ты прислала мне последнее письмо, а, скажем, миссис Коулман. Впрочем, нет, это просто глупо. Ведь лишь самый безрассудный и омерзительный человек пал бы так низко, чтобы ради личной выгоды выдавать себя за собственную падчерицу.

Как бы то ни было, я согласна и с радостью достала для тебя приглашения на бал. А мой милый мистер Рочестер – король Зимнего королевства, напоминаю специально для миссис Коулман – их зачаровал. Они имеют силу лишь до тех пор, пока на балу присутствуешь ты, Эмбер Монтгомери.

Кроме того, тебе нужно надеть платье, которое находится в приложенной к письму посылке. Если ты не попадешь на бал или лишишься подаренного мною наряда, приглашения заледенеют и разлетятся на куски, став просто бесполезными.

Так что даже не вздумайте плести интриги, миссис Коулман. Вы и прежде не блистали умом, но я понимаю, что попытка не пытка.

Желаю повеселиться на балу, Эмбер.

С наилучшими пожеланиями,

Джемма Бельфлёр

Я закусываю губу, пытаюсь сдержать усмешку. Неудивительно, что Джемма не попалась на уловки миссис Коулман. Трудно представить, чтобы даже самый умный человек перехитрил отважную мисс Бельфлёр.

Мачеха топает ногой.

– Что в нем написано?

Изо всех сил стараюсь сохранять спокойствие, я протягиваю ей письмо.

– Читайте сами, если хотите.

Она берет у меня лист бумаги, и вновь ее дочери жмутся друг к другу. По мере чтения на их лицах отражается ужас, но я не в силах даже на них смотреть – боюсь не справиться с собой и просто рассмеяться. Поэтому тихо стою в сторонке, прижимая к груди нераспечатанную коробку.

– Что за наглость, – бормочет миссис Коулман, сминая письмо в кулаке.

– Довольно грубо с ее стороны, – поддерживает Клара. – И вообще, зачем Эмбер идти на бал?

Мачеха словно не слышит ее вопроса.

– Покажи платье.

Конечно, я предпочла бы вскрыть посылку наедине, но глупо даже надеяться, что мне позволят подобную роскошь. Так что я и не пытаюсь спорить. Опустив коробку на пол, я снимаю крышку. И, когда разворачиваю слои оберточной ткани, к горлу подкатывает ком. Я уже очень давно не получала подарков. Невольно вспоминается детство, веселые дни рождения, празднества по случаю солнцестояния и рождения нового года.

Отодвинув в сторону ткань, я нахожу наряд из бледно-голубой тафты и небольшую серебряную маску, украшенную тонким цветочным узором. Отложив маску в сторону, я достаю платье и поднимаюсь на ноги. И подавляю вздох, рассматривая многослойную, ниспадающую складками голубую юбку и изящный, но скромный вырез лифа. Самое прекрасное платье из всех, что я видела.

– Как скучно! – с усмешкой произносит Клара. Наклонившись, она берет в руки маску. – А это вместо чар?

Миссис Коулман не менее презрительно усмехается.

– Ты совершенно права, милая. Ты когда-нибудь видела более ничтожное платье? Может, мисс Бельфлёр и считает себя умной, но у нее явно сомнительный вкус. Твоя подруга ошиблась с выбором, Эмбер.

Сперва я просто пребываю в шоке. Как можно, глядя на это платье, не замечать его сдержанной элегантности? Я открываю рот, чтобы поспорить насчет его изыска и защитить вкус Джеммы, но все же решаю промолчать. Мне вдруг приходит в голову, что Джемма очень продуманно подошла к выбору платья, хотя мачехе с сестрами этого не понять. Наряд прекрасно сшит, но не настолько смелый, как сейчас в ходу у фейри, и в нем нет той изысканности, что присуща самым модным людским бальным платьям. Он достаточно скромный и не вызовет зависти, но вполне милый и позволит мне затеряться среди собравшихся на балу, не привлекая к себе лишнего внимания.

К горлу снова подкатывает ком, и меня накрывает волной стыда и сожаления. Этот подарок говорит о том, что даже после стольких месяцев разлуки Джемма по-прежнему хорошо меня знает. И почему я не стала поддерживать с ней связь? С чего вообще взяла, что наша дружба была ненастоящей?

– Меня это ничуть не удивляет, – поддерживает Клара. – А тебя, Имоджен?

Старшая сестра кажется странно спокойной, но, взглянув на нее, я понимаю, что Имоджен злится. Она вдруг поворачивается к матери.

– Ты написала Джемме? И попросила об одолжении? Да ведь я презираю ее больше всех на свете!

В ответ на раздраженный взгляд дочери миссис Коулман лишь небрежно пожимает плечами.

– Конечно нет. Ты ведь читала письмо. Ей написала Эмбер.

– Мама...

– В конце концов, ты хочешь попасть на бал?

Имоджен закрывает рот, а потом медленно переводит взгляд на меня.

– Нет, если придется зависеть от нее.

– Вполне честно, Имоджен. – Тяжело вздохнув, миссис Коулман трет лоб. – Думаешь, мне это нравится больше, чем тебе? Но я пойду на все, чтобы ввести вас с Кларой в высшее общество Лунарии. Это наша лучшая возможность.

Имоджен по-прежнему не сводит с меня взгляда.

– Ты ведь знаешь, что она станет задиравать нос.

– В этом простеньком платье? Сколько угодно. У нее даже нет чар, чтобы подправить внешность. С таким же успехом она могла бы быть невидимой.

Они обсуждают меня, словно бы я не стою всего в паре футов от них. Стиснув зубы, сжимаю платье в руке и вызывающе вздергиваю подбородок.

– Не волнуйся. Я не хочу идти.

В комнате вдруг становится очень тихо, и я ловлю на себе потрясенные взгляды мачехи и сестер. У меня что, выросла вторая голова?

Мачеха вдруг делает шаг ко мне.

– Прости?

– Я не хочу идти, – медленно повторяю я.

Я очень благодарна Джемме за сделанный от души подарок. Кроме того, было бы заманчиво хоть раз побывать на балу в качестве гостьи. Но я не позволю Коулманам использовать щедрость мисс Бельфлёр в своих целях.

– Если она не пойдет, мы тоже не сможем! – вскрикивает Клара, и на щеках ее разливается жгучий румянец.

Миссис Коулман лишь усмехается.

– Ты пойдешь, Эмбер. Я приказываю. И ты подчинишься.

Меня пронзает острая боль, и я чуть не сгибаюсь пополам. Но, сжав руки в кулаки, заставляю себя стоять прямо, стараясь, чтобы боль не отразилась на лице.

Мачеха, горько усмехнувшись, качает головой.

– Ты подчинишься, Эмбер. Ты не сможешь бороться. Если не прекратишь сопротивляться, я найду для тебя очередное наказание.

Я уже слышала это прежде. Именно поэтому теперь осталась в доме единственной служанкой. И миссис Коулман продала мое пианино. В прошлом уже были случаи, когда я изво всех сил противилась ее приказам, принимала боль, пыталась ее вытерпеть. Может, на этот раз у меня получится продержаться дольше.

– Эмбер, пожалуйста! – кричит Клара. – Мы столько тебе дали! И это самое меньшее, что ты можешь для нас сделать.

По спине бежит холодок. Слова Клары словно гасят во мне мятежное пламя. Эхом отдаваясь в сознании, они вызывают картины прошлого, которые я предпочла бы забыть навсегда.

«Ты виновата, что он умер, Эмбер. Ты столько всего натворила и так много отняла у нас. Так что это меньшее, что ты можешь для нас сделать».

Я вижу глаза отца, яркие и живые; он улыбается мне, держа в руках чашку чая. А в следующий миг они становятся холодными и пустыми. Он хватается за сердце. И мой голос, струющийся песней, переходит в крик...

– Подчиняйся! – кричит миссис Коулман, и резкий тон ее голоса вплетается в вопль, все еще звучащий в моем сознании. Перед мысленным взором по-прежнему мелькают воспоминания, и у меня начинает кружиться голова.

Звон посуды.

Безжизненные глаза отца.

«Ты виновата, что он умер...»

Он хватается рукой за сердце.

«Ты так много отняла у нас...»

– Подчиняйся!

– Хорошо, – наконец шепчу я и начинаю дрожать, с трудом пытаюсь сделать вдох. – Я пойду на бал.

Боль утихает, но воспоминания медлят на задворках сознания. Колени подгибаются, и я, всхлипывая, опускаюсь на пол. Слезы струятся по щекам. Когда я начала плакать?

– Так-то лучше, – самодовольно бросает миссис Коулман. – А теперь убери отсюда это платье и заканчивай мыть пол.

Она уходит, и Имоджен шагает следом за ней. Но Клара по-прежнему стоит передо мной. Я узнаю ее лишь по туфлям, потому что не могу заставить себя поднять голову.

– Ты просто эгоистка, – холодно бормочет она.

Миг спустя на пол передо мной падает серебряная маска, к счастью, целая и невредимая. А Клара, как и мать с сестрой, уходит из гостиной.

Не в силах подняться на ноги, я продолжаю рыдать, заливая слезами бальное платье.

Глава 6

Франко

Я стою на балконе на крыше дворца Селены и, облокотившись на перила, смотрю на раскинувшуюся внизу лужайку. На лес и горы за ней уже опускаются тени. Солнце заходит, и королевство погружается в чернильно-синие сумерки. Скоро наступит ночь, и с ее приходом оживет большая часть населения Лунарии. Я уже вижу, как над озером Артемисы качаются крошечные голубые огоньки, а среди деревьев мелькают пылающие хвосты кицунэ².

Мне спокойно здесь наверху, в одиночестве, тогда как все внутри готовится к завтрашнему балу. Страшно даже представить, насколько оживленным весь следующий месяц будет дворец. Несколько элитных семей снимут здесь комнаты, и в целом гостей ожидается гораздо больше, чем обычно. Многие уже прибыли, не дожидаясь завтрашнего дня, и дворец наполнен густой, незнакомой энергией. Я ощущаю ее каждой клеточкой тела.

Я отношусь к пси-вампирам, редкому типу фейри, которые питаются эмоциями, поэтому чувствую энергию так же легко, как дышу. Как только привыкаю к чьей-либо энергии – к энергетическому следу, как я его называю, – мне становится легче подстроиться. Но, если вокруг появляется слишком много новых людей, приспособиться не так-то легко. Отчасти именно поэтому я никогда не умел заводить новые знакомства. Мне больше нравится тишина дворца, уединение и время, проведенное дома с теми немногими, кого я знаю и кому доверяю.

Внезапно, заметив какое-то движение, я резко выпрямляюсь. Из-за деревьев появляется карета, едущая по дороге с севера. Слишком темно, и с балкона на крыше трудно рассмотреть какие-то детали. Но, когда карета подъезжает ближе, я замечаю ее перламутровый блеск и пару пука³, тянущих экипаж. Я хмурюсь. Подобное средство передвижения может приехать лишь из Мореи. Но, насколько мне известно, во время светского сезона мы не принимаем делегации фейри, ведь это большей частью людское мероприятие. Но, может, Никсия пригласила морских фейри на бал?

Я раздумываю над вопросом и вскоре до боли ясно понимаю ответ.

Проклятие, я точно знаю, в чем дело. Готов поспорить на свои крылья, что Никсия пригласила для меня принцессу. Уже много лет сестра не вмешивалась в мою личную жизнь, хотя в последнее время то и дело отпускала подобные намеки.

«Ты все еще ухаживаешь за той-то и той-то?»

«Есть перспективы на будущую пару?»

«Ты навещаешь таких-то и таких-то? У них есть дочь, которая может тебе понравиться...»

Неужели именно поэтому Никсия поручила мне светский сезон? Хочет выставить напоказ в надежде, что я наконец найду себе пару? Почему ее это так заботит? Я стискиваю зубы, крепко сжимая пальцами перила балкона.

Позади меня раздаются шаги, и раздражение постепенно стихает. Изначально я облюбовал балкон для себя, так что с любопытством поворачиваюсь на звук.

В центре круглой крыши установлен огромный стеклянный купол, и лестницу с другой стороны почти не видно. Я тянусь туда своей силой и тут же узнаю энергетический след невидимого гостя. Подруга моей сестры.

– Привет, Лорелея, – кричу я.

² Кицунэ – японское название лисы.

³ Пука – согласно легенде, пука является ловким оборотнем, способным принимать различные – страшные или приятные – формы. Чаще всего принимает форму гладкошерстной черной лошади с развевающейся гривой и светящимися золотыми глазами.

Миг спустя ко мне поворачивает миниатюрная фигурка с темно-коричневой кожей и темными вьющимися волосами.

– Знаешь, когда ты так делаешь, становится жутко, – с ухмылкой сообщает она.

Лорелея – лесная нимфа, и, судя по свободным брюкам и тунике без рукавов из бронзового шелка, она только что приехала из Пламенного королевства, где выполняла роль посла к королеве Эвелин.

Я встречаю ее на полпути и заключаю в объятия.

– Ты ведь влюблена в мою сестру и вроде бы должна уже привыкнуть.

– Она, по крайней мере, знает меня лучше и больше не использует на мне свои силы, – возмущенно произносит Лорелея. Хотя я знаю ее уже достаточно долго и понимаю, что она просто забавляется. Отстранившись, нимфа улыбается. – Как дела, братишка?

Я фыркаю от смеха.

– Братишка? Прежде ты называла меня и похуже.

Она ухмыляется.

– Прежде ты этого заслуживал. К тому же, согласно людским традициям, разве ты не приходишься мне шурином?

– Наверное, ты права. – Пусть Лорелея и Никсия не сочетались браком по людским законам, но они провели свадебную церемонию в соответствии с традициями фейри. – Вы с сестрой готовы отправиться в романтический отпуск? Поедете в Летнее королевство? Может, на теплый пляж?

– Вообще-то, в Зимнее. Я так долго служила при дворе Пламени, что мне с лихвой хватило горячего песка под ногами. Теперь я хочу мягкого снега. Впрочем, если речь об отпуске, от пляжа я все же не откажусь. Мне нужен отдых... уже лет двадцать, по меньшей мере.

Хихикнув, я тянусь за стульями, прислоненными к перилам балкона.

– Политика?

Она лишь мрачно усмехается и тяжело опускается на сиденье.

– Политика.

Она даже не смотрит на меня, похоже, глубоко затерявшись в своих мыслях. Я изо всех сил стараюсь не вдыхать ее энергию, чтобы не вторгаться в личное пространство, и плюхаюсь на пустой стул. Бросив взгляд на лужайку, я не вижу и следа приближающейся кареты. Должно быть, экипаж уже стоит возле дворца.

Лорелея встряхивает головой, словно пытаюсь что-то для себя прояснить, и вновь переводит взгляд на меня.

– А ты что скажешь? Готов ли в наше отсутствие взвалить на себя великое и ужасное бремя управления королевством?

Я с трудом сглатываю, пытаюсь выглядеть как можно увереннее.

– Да что может случиться? Из самого худшего.

Она постукивает пальцем по губам, делая вид, что размышляет.

– Будет скверно, если тебе придется проводить светский сезон для людей. Хотя, постой. От этого уже не отвертеться.

– Если хуже быть просто не может, значит, придется как-то потерпеть. И почти не сомневаюсь, что Никсия уже начала воплощать очередной брачный замысел. Ты, случайно, не видела, как сюда ехала по-королевски роскошная карета? Я смутно подозреваю, что в ней прибыла принцесса.

– Я бы не удивилась, – признается Лорелея. – Но я думала, что моя пара уже покончила с подобными планами.

– Наша милая Никсия вечно будет пытаться выставить на торги мою добродетель.

Лорелея фыркает от смеха.

– Как будто у тебя осталась хоть капля добродетели.

Я прикладываю руку к груди.

– Ты ранишь меня, Лорелея. Моя колоритная репутация вовсе не так плоха, как о ней судачат.

Энергию нимфы омрачает рябь беспокойства, и она закусывает губу.

– Я знаю, – наконец произносит она, и ее серьезный тон застает врасплох. Лорелея сверлит меня взглядом, а потом наклоняется вперед. – Зачем все это, Франко? Ведь ты позволяешь остальным считать себя всего лишь смазливой повесой. Почему ты просто... не объяснил, когда все случилось?

Я пожимаю плечами, пытаюсь казаться равнодушным, хотя от ее слов ноет внутри.

– Обо мне ходит множество слухов, но не все, о чем судачат, ложь. Я ухаживал за кучей женщин, но так и не выбрал себе пару.

– Но ведь ты... не разбираешь сердца направо и налево.

– С чего ты взяла?

– Просто знаю тебя. Ты заслуживаешь любви. И уже много лет ни за кем всерьез не ухаживаешь. Ты сдался.

Меня переполняет смесь эмоций Лорелеи: жалость, сочувствие, ободрение, – и я подавляю желание поморщиться. Терпеть не могу их вкус.

Поднявшись на ноги, я поворачиваюсь к балюстраде и опираюсь на нее обеими руками.

– К чему ты клонишь?

Лорелея тоже поднимается и встает рядом. Она прожигает взглядом мой профиль, но я упорно не поворачиваюсь к ней лицом.

– Я лишь хочу видеть тебя счастливым. И, когда придет время, ты встретишь свою любовь.

– Все не так просто.

– Почему?

Я поджимаю губы. Не могу дать ответа. По крайней мере такого, который она сумеет принять.

Мы знакомы достаточно долго, и она уже успела узнать, что я вовсе не такой самонадеянный, каким меня считают окружающие. Но вряд ли она поймет. Лорелея смелая и не умеет скрывать свои чувства. Тогда как я... Мне нелегко знакомиться с новыми людьми и завоевывать их симпатии. Когда я пытаюсь быть собой, то становлюсь неловким, как новорожденный келпи⁴ на суше. И, чтобы скрыть недостатки, стараюсь вести себя нахально. Я отпускаю шутки, смеюсь, флиртую, дразню и насмехаюсь. И таким образом либо отталкиваю окружающих, либо вызываю о себе ошибочное представление.

Прежде, когда мне наконец удавалось узнать кого-то получше, раскрыв при этом истинное «я», в дело вмешивались мои способности. Я уже сбился со счета, сколько раз надеялся, что отношения сложатся успешно, пока не ощущал скрытые мотивы потенциальной пары. Мне редко попадались женщины, которым бы нравился я сам, а не мой титул. И тогда мы разрывали отношения. Я мучительно переносил все расставания. Не потому, что оказался неудобным, ведь насильно мил не будешь. Просто в такие моменты на мои собственные чувства накладывались эмоции партнерши. Двойное неудобство за малую толику удовольствия. В конце концов, я изредка начал просто флиртовать, и все заканчивалось в чьей-либо спальне на смятых простынях, без каких-либо надежд на продолжение. Но и такие отношения остались в прошлом. Даже простой секс порой вызывал взаимную душевную боль.

Лорелея не ошиблась. Я отказался от любви, но ни за что не признаюсь в этом вслух.

⁴ Келпи – в шотландской низшей мифологии водяной дух, обитающий во многих реках и озерах. Келпи большей частью враждебны людям. Являются в облике пасушегося у воды коня, подставляющего путнику свою спину и затем увлекающего его в воду.

Когда нимфа твердо знает свою правоту, она становится просто невыносимой. Вот и сейчас она ждет от меня правды, но я поступаю как обычно – просто делаю вид, что мне все равно.

Расслабив плечи, с улыбкой прислоняюсь к балюстраде.

– Давно ли тебя волнует моя личная жизнь?

Она издаёт смешок и бросает взгляд на лужайку.

– Не знаю. Наверное, с тех пор, как ты начал ухаживать за Эвелин. До того момента я тоже считала тебя всего лишь повесой. Но потом... с ней я увидела тебя настоящим.

Я чувствую, как вспыхивают щеки, но лишь закатываю глаза, пытаюсь отвлечь ее внимание.

– Во имя ночи, не приплетай сюда Эвелин. Прошло уже много лет, и я вовсе не горю желанием вспоминать, что когда-то ухаживал за знаменитой неблагодетельной королевой Пламенного королевства.

Я жду, что Лорелея сейчас примется меня жалеть. Но, судя по всему, ее устраивает мой простой ответ. Нимфа вновь принимается меня поддразнивать.

– Готова поспорить, она бы тоже с радостью стерла те воспоминания. Не волнуйся, я не скажу, что ты до сих пор по ней сохнешь.

– Я не сохну. И никогда не сох.

– Ну, если ты так говоришь... – подмигивает Лорелея.

– Мы с ней просто друзья. Ничего другого между нами не было.

– Так вот почему ты до сих пор при каждой возможности просишь ее лечь с тобой в постель?

– Во-первых, ее это раздражает, а я наслаждаюсь ароматом ее эмоций. Во-вторых, к себе в постель я зову ее вместе с королем Аспеном. Но, как ни странно, всегда получаю отказ. А следом – всплеск очень вкусной ярости.

Лорелея качает головой, и на один благословенный миг я верю, что беседа о любви окончена. Но на лице нимфы быстро появляется задумчивое выражение.

– За последние несколько лет я многое узнала о любви.

– Неужели? – насмешливо бросаю я. – Лорелея влюбилась и стала экспертом.

– Я не эксперт, – поясняет она, не сводя с меня пристального взгляда. – Но, признаюсь, когда-то не верила, что смогу дать любви второй шанс. Ну... после смерти Малана.

Я ощущаю печаль Лорелеи и вдыхаю ее эмоции. Они кажутся тяжелыми. Странно, что спустя двадцать лет она все еще мучительно скорбит по бывшему возлюбленному.

Следует как-то ее утешить, но я не могу подобрать слов. Мне самому не доводилось испытывать ничего подобного.

– Мне больно видеть, – продолжает Лорелея, – как ты отказываешься от любви и упускаешь нечто чудесное. Взгляни хотя бы на нас с Никсией.

Я наклоняюсь ближе и одариваю ее спокойным взглядом.

– Лорелея, тебе говорили в последнее время... что ты совершенно невыносимая особа? – откровенно спрашиваю я.

Она бьет меня по руке.

– Я пытаюсь говорить с тобой серьезно.

– В этом твоя первая ошибка. Честно говоря, думаю, любовь затуманила тебе мозги.

– А я затуманю их тебе, – парирует она и, вытянув руку, дает мне затрецину.

Я слышу тихий смех, и мы замираем, глядя на приближающуюся фигуру. К нам не спеша подходит моя сестра, королева Никсия; во всем ее облике нет ни капли небрежности. Судя по всему, выбор подходящих нарядов для нее сродни увлечению. Хотя трудно сказать, для кого она старалась сейчас – для Лорелеи, своей пары, или для прибывших в карете гостей, кем бы они ни были. В любом случае, от каждой складки узких черных брюк, серебристой блузы с глубоким вырезом и жилета цвета индиго, украшенного серебряными звездами, так

и веет царственностью. Из-под коротко подстриженных серебристых волос выглядывает пара великолепных серег.

В благой ипостаси мы с ней очень похожи: высокие, стройные, с заостренными ушами. Даже глаза и волосы у нас одного цвета. Но мне никогда в жизни не удавалось выглядеть настолько уверенным в себе. Она – королева и правит с истинным величием, о котором я могу только мечтать.

Лорелея подходит ближе, чтобы обнять свою пару. Она ниже сестры больше чем на голову, и я просто не могу сдержать улыбку. Это мило. И все же несколько раздражает, как и любой роман.

– Теперь мы можем ехать? – почти умоляюще спрашивает Лорелея.

Сестра бросает на лесную нимфу теплый взгляд, и мне становится почти неловко. Не знаю, кому как, но мне на это просто... больно смотреть.

– Да, милая. Мы выезжаем через час. Но сперва мне нужно поговорить с братом.

Кивнув, Лорелея отстраняется от Никсии и, махнув мне на прощание, уходит, оставляя нас одних.

* * *

Никсия жестом подзывает меня к себе, и мы неспешным шагом движемся по круглой дорожке, огибающей купол.

– Во дворце гостя, которая останется у нас на весь сезон, – нерешительно начинает сестра.

– Ты о принцессе? – Я вздергиваю бровь.

Никсия вскидывает голову, похоже, не испытывая ни капли стыда.

– Принцесса Мэйзи – младшая дочь короля Ронана. Она селки⁵ и впервые так надолго выбирается на сушу. Прими ее и заставь почувствовать себя желанной гостьей.

– То есть я должен за ней ухаживать? Скажи прямо.

Остановившись, Никсия поворачивается ко мне.

– Да, Франко. Начни за ней ухаживать.

– Ты ведь вроде бы больше не лезла в мою личную жизнь? Помнишь, что случилось в прошлый раз?

– Конечно. Тогда мы оба наделали ошибок. А потом я пообещала не вмешиваться без крайней необходимости.

– А-а... И что, она возникла? – Я напрягаюсь и стискиваю руки в кулаки. – Снова начнешь лепить из меня наследника?

– Может, поговорим начистоту, брат? – резко произносит Никсия. – Я ведь знаю, ты о чем-то умалчиваешь.

Внутри просыпается чувство вины. Конечно, она в курсе. Она тоже пси-вампиры и сильнее меня. Я провожу рукой по волосам, заставляя утихнуть раздражение.

– Просто... Да, я твой наследник, Никсия, и счастлив исполнять свой долг. Я всегда поддержу тебя и помогу, чем нужно. Но ты же понимаешь, что мне не быть королем. Так почему продолжаешь воспитывать меня как своего преемника и все сильнее подталкиваешь к трону, который мне вряд ли суждено занять?

Нахмурившись, сестра поджимает губы. Я вдыхаю ее энергию – резкую, льющуюся через край, полную невысказанных тайн.

По спине пробегает дрожь.

– Что ты от меня скрываешь?

⁵ Селки – морской народ, прекрасные люди-тюлени с карими глазами. Добрые, нежные и грациозные.

Она лишь вздыхает.

– Когда-то я верила, что буду править вечно. И очень долго этого хотела.

От тона ее голоса внутри все переворачивается.

– Но больше не хочешь?

Никсия бросает на меня взгляд.

– Ты ведь знаешь, что я люблю Лорелею?

Я киваю. Мне прекрасно известна вся глубина привязанности сестры к своей паре. Когда они всего лишь смотрят друг на друга, я ощущаю их чувства даже в противоположном углу комнаты. Но настолько сильная любовь меня пугает. Смогу ли я когда-нибудь найти нечто похожее?

– Однажды я ее уже потеряла, – продолжает Никсия. – И думала, что никогда не сумею вернуть. Теперь, когда мы вместе... мне не жить без нее.

Конечно же я знаю, что сестра любит Лорелею, но впервые слышу, чтобы она говорила вслух о чувствах. В этом смысле мы с ней похожи. Когда дело касается собственных эмоций, мы отлично умеем притворяться: на людях держим лицо, скрывая от окружающих, что творится у нас внутри. Так что слова сестры вместе с исходящей от нее энергией почти ошеломляют. На миг меня охватывает головокружение, и я переступаю с ноги на ногу, чтобы сохранить равновесие.

– А при чем тут твоя любовь?

Я ощущаю в энергии сестры крупички смятения.

– Лорелея хочет завязать с политикой. Она двадцать лет, в довольно смутные времена, трудилась на благо Фейривэя и теперь стремится к чему-то простому. Я хочу подарить ей обычную жизнь и просто всегда быть рядом.

– И что конкретно это значит?

Никсия складывает руки на талии – весьма скромная поза для столь энергичной женщины.

– Последние несколько лет я подталкивала тебя к поиску пары, поскольку хочу, чтобы ты заявил права на трон. Как только ты приобретешь определенный вес в глазах жителей Лунарии, включая и людей, я уступлю правление тебе.

У меня пересыхает во рту. Нет, этого не может быть. Всегда предполагалось, что я буду рядом с ней в качестве наследника, запасного варианта на случай ее маловероятной смерти. Я никогда не собирался занимать трон – один, без нее.

– Прости, что не сказала раньше, – продолжает Никсия. – Я не хотела, чтобы ты ощущал себя загнанным в угол.

– Что ж, благодарю. – Я даже не пытаюсь скрыть иронию. – А теперь ты решила вывалить все сразу, без подготовки.

– Мне казалось, что время еще есть, но Лорелея больше не может ждать. Я чувствую, как она устала. Конечно, она не жалуется. Но я читаю ее как открытую книгу, даже когда стараюсь не питаться ее энергией.

Я вспоминаю, какой усталой выглядела Лорелея, когда подошла ко мне сегодня вечером, и сердце сжимается в груди. Теперь все обретает смысл, и в голове немного проясняется, а горечь и страх слегка отступают. Я никогда всерьез не думал о троне, но Никсия и Лорелея заслуживают настоящего счастья. Из меня вырывается тяжелый вздох, и сковавшее меня напряжение чуть разжимает тиски.

– Что мне нужно сделать?

Лицо сестры светлеет, и вокруг нее начинают пульсировать искры надежды.

– Я хочу видеть тебя королем, Франко. Поэтому завоюй уважение людей, чтобы, когда ты предъявишь права на трон, никто не посмел их оспорить.

Я переступаю с ноги на ногу. В каждом королевстве власть чаще всего передается по линии крови. Тем не менее претендовать на трон может кто угодно и когда угодно. В таком случае окончательное слово остается за наполняющей остров магией, некой силой, которую мы зовем Всесущей. И не всегда ее выбор падает на наследника. Так что самый верный способ сохранить права на трон – убедить окружающих, что у других претендентов просто не будет шансов. Именно так поступила моя сестра. При наличии самой могущественной альфы за много поколений никто даже не осмеливался претендовать на неблагодатный трон Лунарии. Но я... совсем не так силен, как она. И не внушаю такого страха другим фейри. Что касается людей, меня не очень уважают. Особенно учитывая, что случилось в прошлый раз, когда я находился среди них.

По крайней мере, теперь я начал понимать, что стоит за поступками сестры.

– Вот почему ты настойчиво пыталась заставить меня найти себе пару.

– Не просто пару, Франко. Ты должен жениться.

Я тут же начинаю сердиться.

– Жениться? Я думал, ты сдалась и решила не тащить меня к алтарю. Вы с Лорелеей провели всего лишь обряд соединения, и этого вполне хватило для подданных.

– Просто меня бояться. В свое время никто и не пытался оспорить мои права на трон. Тебе же предстоит столкнуться с кучей проблем, которые меня миновали, и доказать всем, что у тебя есть свои сильные стороны. Мы нужны Лунарии, как и наши ценности неблагих. И нельзя позволять подвергать сомнению твое правление. Так что лучше всего дать понять окружающим, что ты незыблемый король. Для людей это значит брак с другим членом правящей семьи и способность произвести наследников. Для фейри – достойный политический союз.

– Отсюда и принцесса Мэйзи из Морского королевства. Возможно, моя будущая жена.

Я потираю лоб. Ни об одной женщине я никогда не думал как о своей паре, и уж тем более не стремился взять в жены. Согласно обычаям фейри, образовать пару означает стать преданными друг другу. И пусть такие отношения не всегда длятся вечно, они довольно много значат, даже для фейри, у которых бывает по несколько партнеров одновременно. Но брак еще более важен. Он основан на клятвах, являющихся частью соглашения. И фейри просто не могут их нарушить.

– Я хочу, чтобы ты ухаживал за ней, – произносит Никсия, и в голосе ее слышатся нотки отчаяния. – По крайней мере, попытайся. Так, чтобы я видела. И люди тоже. Весь сезон открыто оказывай принцессе Мэйзи знаки внимания. Пусть все смотрят, как ты гуляешь с ней под ручку. Если к концу месяца ты поймешь, что вы не подходите друг другу, я найду кого-нибудь еще. Но, во имя бездны, Франко, хотя бы попробуй! Обещай мне.

– Я попробую, Никсия, – наконец соглашаюсь я.

Чувствую, как сестра расслабляется, и из нее струится благодарность, окутывая меня, словно плотное одеяло. Никсия делает шаг вперед, и серьезное выражение ее лица сменяется ослепительной улыбкой.

– Спасибо, Франко. Надеюсь, тебе понравится Мэйзи. И я верю, что ты примешь правильное решение.

Внутри шевелится чувство вины, но я пытаюсь прогнать его прежде, чем сможет почувствовать Никсия... и понять, чем оно вызвано. Конечно, я твердо намерен сдержать свое слово и ухаживать за принцессой, но не верю, что между нами может что-то сложиться. Весь мой любовный опыт подсказывает, что это маловероятно. Но я сделаю все возможное, чтобы Никсия поверила в мои старания.

Понимаю, что рано или поздно мне придется уступить и обзавестись женой. Я люблю свою сестру и Лорелею и желаю им счастья. Но сейчас хотел бы оттянуть тот миг, когда все изменится. Никсия уедет, всегда готовая прийти на помощь, а мне придется стать королем и

находиться под неусыпным присмотром, неся на себе бремя власти, о которой я никогда даже не думал.

Я загоняю эти мысли подальше и надеваю на лицо высокомерную маску.

– Знаешь, я всегда верил, что на троне буду смотреться лучше тебя, – бросаю ей, выпрямившись во весь рост.

В тот же миг от ее сентиментальности не остается и следа. Подхватив мой тон, сестра широко улыбается со смесью гордости и озорства.

– Это характер, братишка. – Никсия окидывает меня взглядом, и улыбка становится насмешливой. – Но, если хочешь занять мое место, тебе придется научиться прилично одеваться.

Сестра направляется к лестнице, и я хихикаю ей вслед, но быстро становлюсь серьезным, стоит ей скрыться из виду.

Я опускаю голову, ощущая внутри лишь пустоту.

Глава 7

Эмбер

На следующий день, в оставшееся до бала время, я погружаюсь в домашние дела, пытаюсь стать как можно меньше и незаметней, чтобы избежать дальнейших ссор с мачехой и сестрами. Я изо всех сил стараюсь поменьше говорить, не спорю и делаю, что велено. Окунувшись в работу, даже не прислушиваюсь к разговорам Имоджен и Клары, сплетничающих с самого утра. Они гадают, что принесет сегодняшний бал, а я не нахожу в себе смелости даже взглянуть в их сторону.

Вместо этого я мою, штопаю, стираю, готовлю, мою, штопаю, готовлю...

Я справлюсь. Это просто бал. Один вечер, когда Коулманы ради собственной выгоды воспользуются мной и щедростью моей подруги. Конечно, я ненавижу сдаваться, но не могу заставить себя вновь разжечь вчерашнюю ссору, всколыхнуть воспоминания, пробужденные словами Клары, или пережить боль из-за отказа подчиниться миссис Коулман.

Еще две недели, и я обрету свободу.

Руки становятся красными и почти кровоточат, но я продолжаю мыть, штопать, готовить, мыть...

День начинает клониться к вечеру, и миссис Коулман сообщает, что пора готовиться к балу. Сестры с радостными криками несутся в свою спальню. Когда за ними закрывается дверь, мачеха бросает взгляд на меня. Впервые после вчерашней ссоры ее взгляд падает на меня.

Не дожидаясь указаний, я направляюсь к лестнице на чердак и поднимаюсь в свою комнату, чтобы привести себя в порядок. У меня в спальне нет электричества, поэтому я зажигаю лампу на прикроватном столике и распахиваю ставни единственного окна возле кровати, чтобы впустить тусклый свет заходящего солнца. Мне до боли хочется выбраться наружу, вскарабкаться на выступ на крыше и полюбоваться закатом. Но нет. Нас ждет маскарад Новолуния.

Хотела бы я чувствовать волнение, как мои домашние. В конце концов, сегодня мой первый бал. Я должна быть в восторге. Наверное, при других обстоятельствах, если бы мне досталось приглашение, добытое не с помощью обмана и принуждения, так и было бы.

Не скажу, что меня волнуют чопорные танцы – которые мне даже не позволили учить, – или сдержанные нормы поведения, принятые на официальных приемах. Но меня всегда притягивала музыка. И я много раз мечтала, что сестры принесут ее с собой. Когда я была младше, то порой вылезала из постели, заслышав, что Коулманы вернулись домой после танцев, искала их танцевальные туфли и подносила к ушам, надеясь, что смогу уловить обрывки мелодий, прилипших к их подошвам.

А потом меня застучала Имоджен.

«Глупая Эмбер слушает туфлю! Что за дикое создание фейри! Тебе пятнадцать! Неужели ты совсем еще ребенок? Хорошо, что мы не взяли тебя с собой. Тебя бы засмеяли до смерти!»

Отвернувшись от окна, бросаю взгляд на узкую комнату. Вдоль стен, загромождающая часть пола, высятся груды сундуков и коробок. Свободного места едва хватает для крошечной кровати и гардероба в дальнем углу. Я подхожу к умывальнику и принимаюсь счищать дневную грязь с лица и рук. В нашей квартире нет нормальной ванны или умывальни, как в более приличных домах, где мы жили прежде. И даже если я отмоюсь и надену свое самое красивое белье и нижние юбки, облачиться в столь прекрасный наряд все еще будет казаться кощунством.

Подарок Джеммы висит с внутренней стороны ширмы, такой же чуждый, как плохо настроенная клавиша пианино. Хотя в моем случае как раз платье здесь – единственный правильный предмет, а все остальное ему просто не соответствует.

Включая и меня.

Я бережно беру в руки присланный наряд, словно он стеклянный и может в любой момент разбиться, и осторожно надеваю через голову, сжимаясь каждый раз, когда ткань касается мебели и серых стен. С каждой минутой мне все больше нравится подарок, и я радуюсь предусмотрительности Джеммы.

В отличие от большинства бальных платьев, это я могу надеть без посторонней помощи. Сзади вместо привычных шнурков застежки-крючки, которые находятся довольно низко, так что я вполне сумею до них дотянуться. И пусть спина почти открыта, но пышные рукава, прикрывающие плечи и предплечья, возмещают платью недостающую скромность.

Выйдя из-за ширмы, я направляюсь к треснутому зеркалу, прислоненному к куче коробок, и удивляюсь тому, насколько элегантно выгляжу в новом наряде.

Изучая собственное отражение, я непроизвольно тянусь к висящему на шее медальону. Сейчас я очень сильно похожа на маму, и это безмерно радует. Пусть у меня нет заостренных ушей, присущих лишь чистокровным фейри, но мне достались ее волосы, глаза и улыбка, и это платье подчеркивает их, как никакое другое.

Я открываю медальон, и взгляд скользит по портретам родителей. При виде отца сердце сжимается, а к горлу подступает ком. У меня не получается долго на него смотреть. Мне слишком больно, и внутри ощущается железная тяжесть вины. Глядя на маму, я почти вспоминаю звук ее голоса, грациозную походку и плавные движения в танце.

Выбросив мысли из головы, защелкиваю медальон и принимаюсь внимательно рассматривать свою внешность. Волосы явно оставляют желать лучшего. Освободившись от чепца, бирюзовые пряди спутанными волнами спадают на плечи. Я беру щетку и тут же понимаю, что просто не умею делать прически для официальных приемов. С другой стороны, позволит ли мне миссис Коулман сегодня отказаться от чепца? Но потрепанный чепец в сочетании с бальным платьем привлечет гораздо больше ненужного внимания, чем бирюзовые волосы. В конце концов, бал проводит принц фейри.

При этой мысли от лица отливает кровь.

Проклятие, и почему я раньше не подумала? Я ведь собираюсь на бал, устраиваемый фейри королевских кровей, тем самым, кого я умудрилась оскорбить в переулке за лавкой чаровницы.

Стоит только вспомнить непристойные намеки насчет моих предполагаемых мотивов, и лицо заливает краской. Не знаю, то ли мне бояться встречи с ним, то ли раздражаться, ведь, как ни крути, а придется с ним столкнуться. И вести себя при этом уважительно, будто я жеманная девица, к разряду которых он причисляет всех женщин.

Я стискиваю зубы и, крепче сжав щетку в руке, набрасываюсь на спутанные волосы, будто вижу вместо них его высокомерное лицо.

Утешает лишь одно – принц вряд ли меня узнает, ведь вчера на мне был чепец и заносенное платье. Он определенно принял меня за очередную сохнувшую по нему девицу. Сомневаюсь, что в его крошечном самовлюбленном мозгу найдется место для таких, как я.

На лестнице, ведущей в спальню, слышатся шаги, и я, вздрогнув, опускаю щетку. Обернувшись, вижу на пороге мачеху. Она замирает у самого входа в комнату, рассматривая меня сквозь прищуренные веки.

– Платье сойдет, – резко бросает она и подходит ближе.

Я собираюсь с духом, все больше напрягаясь с каждым ее шагом. Бросив взгляд на щетку, она протягивает руку ладонью вверх.

Отдаю ей щетку, и мачеха жестом велит мне повернуться. Затаив дыхание, повинуюсь, и она подносит щетку к моей голове. Я вздрагиваю, ожидая, что жесткая щетина вопьется в кожу, но мачеха просто проводит щеткой по всей длине волос. От столь непривычной близости и странно мягких жестов сердце бьется где-то в горле. Она прежде никогда не расчесывала

меня, да и вовсе не вела себя со мной как мать. Кроме меня самой, волосы мне причесывала лишь родная мама.

Я смаргиваю слезы и перевожу внимание на скользящую по волосам щетку, ожидая, когда ее движения станут грубыми и болезненными.

– Нам нужно обсудить твое поведение на сегодняшнем балу, – вдруг произносит мачеха прямо у меня над ухом, и я вздрагиваю от неожиданности. – Следи за словами и поступками, не вздумай запятнать мое имя. Не задавайся и не привлекай к себе внимание.

Меня тут же охватывает злость. Она знает меня не первый год и все еще думает, что я могу начать задаваться. Я никогда не пыталась привлечь к себе чье-либо внимание, не стремилась затмить ее дочерей. И не виновата, что еще при жизни отца людей притягивали мои таланты. Я этого не просила. Мне просто хотелось играть на пианино.

И петь.

Миссис Коулман ненавидела пение.

И оно убило отца.

Мачеха заканчивает с моими волосами и возвращает мне щетку. Но когда я пытаюсь повернуться к ней лицом, она сжимает мне плечо, побуждая оставаться на месте. Я вздрагиваю, когда ее ноготь впивается в мою обнаженную кожу над пышным рукавом. Не говоря ни слова, мачеха протягивает мне несколько шпилек для волос. Совсем простых, без украшений и драгоценных камней, ни капли не похожих на те, что носят она и сестры. Я беру их в руки.

– Держи, чтобы я смогла дотянуться, – бросает она.

Я чувствую, как она убирает волосы с шеи, и вновь готовлюсь к боли, но ее нет. Чтобы успокоить нервы, я крепко сжимаю свободную руку в кулак.

Миссис Коулман берет у меня шпильку и скрепляет волосы, затем еще одну.

– Знаешь, почему после смерти твоего отца я вновь взяла себе девичью фамилию и записала под ней девочек? – тихо спрашивает она, но я отчего-то ощущаю, как по коже бегут мурашки.

Я не осмеливаюсь покачать головой, чтобы не мешать ей меня заплетать, и ответ выходит больше похожим на шепот:

– Нет.

– Потому что не хотела, чтобы моих дочерей связывали с кем-то вроде тебя.

Подобного ответа я и ждала, но никогда не понимала причин такого отношения. Находясь среди людей, мачеха ведет себя так, будто она лучше фейри, отзываясь о последних словно о животных. Если же рядом оказывается кто-то из фейри, она хвастается тем, как хорошо их понимает, то и дело бросаясь громкими именами известных ей высокопоставленных лиц, рассказывает обо всех воображаемых знакомых и приобретенных связях. Она постоянно добивается их благосклонности, ищет мужей среди членов королевских семей, словно это предел мечтаний. Со мной же она обращается как с грязью.

Глаза начинает щипать, и по щеке стекает одинокая слезинка. К счастью, на лице нет косметики и можно не опасаться испортить макияж.

– Почему? – слетает с губ непрошеное слово.

Мачеха скрепляет волосы очередной шпилькой, и я вдруг вскрикиваю, ощутив, как металлический кончик царапает кожу головы.

– А ты не знаешь? Ты свела в могилу собственного отца.

От ее слов пересыхает в горле, и мне становится трудно дышать. По щеке скатывается еще одна слеза. Она права. Я виновата во всем, что произошло.

Мачеха вдруг грубо толкает меня в плечо. Я спотыкаюсь, но быстро вновь обретаю равновесие.

– Ты, будто заноза, мешала нашему браку! А теперь каждый день маячишь у меня перед глазами. – Дрожа, я поворачиваюсь к ней лицом, ощущая на затылке холодные капли пота. –

Пока была возможность, мне стоило отдать тебя в приют. Я бы избавила себя от трех лет несчастий.

Я застываю. Не потому, что ее слова ранят. Просто они насквозь лживы. И я цепляюсь за них, вызывая в себе гнев, способный заглушить стыд и печаль.

– Вы заставили меня остаться, – цежу я сквозь зубы. – Умоляли жить с вами.

Она широко распахивает глаза.

– Я не умоляла.

– Или, лучше сказать, воздействовали?

– Ты неблагодарная, дрянная девчонка! Где бы ты оказалась, если б не жила со мной последние три года?

Я лишь качаю головой, не торопясь отвечать. Именно мачеха заставила меня остаться, потащила к посреднику и убедила заключить принудительную сделку. В противном случае я жила бы именно там, где хотела, – подальше от Коулманов, предоставленная самой себе. Вероятно, гастролировала бы с труппой музыкантов. Впрочем, этим я и займусь, когда все закончится.

Но в то время я была слепа и слишком уязвима, а слова миссис Коулман казались искренними. И мне хватило глупости им поверить.

«Я обещала твоему отцу, что позабочусь о тебе. Но смогу сдержать слово лишь при одном условии – если ты согласишься остаться со мной. Подари мне душевное спокойствие, чтобы выполнить обещание. Ты виновата, что он умер, Эмбер. Ты столько всего натворила и так много отняла у нас. Так что это меньшее, что ты можешь для нас сделать. Ты плохая девочка, опасная. Да ты и сама знаешь. Рядом с тобой должен быть тот, кто будет тебя направлять. И сможет подчинить».

Отчасти мачеха говорила правду. Я плохая, опасная и виновна в смерти отца, вот только об истинных своих мотивах она даже не заикнулась. Однако я прислушалась к ее словам и едва ли хоть на миг задумалась об этом прежде, чем нашу сделку скрепили официально.

«Пока тебе не исполнится девятнадцать, ты будешь жить под моей крышей и находиться на моем попечении. И станешь подчиняться мне. Ты согласна?»

«Да».

Мачеха подходит на шаг ближе, растянув губы в усмешке, больше похожей на оскал.

– Я три года содержала тебя, проявляла заботу. Давала крышу над головой, позволяла играть отвратительную музыку. И как ты платишь...

С губ срывается мрачный смешок.

– Думаете, я не знаю?

– Чего именно? – фыркает она.

– Вы обманом вынудили меня заключить сделку. И вовсе не для того, чтобы обо мне заботиться. Все дело в деньгах. И в завещании отца. Думали, я никогда не узнаю? – По венам струится гнев, и меня начинает трясти. Я стискиваю кулаки и прижимаю их к бокам, чтобы не дрожали.

Миссис Коулман складывает руки на талии, на губах ее возникает надменная улыбка.

– Не понимаю, о чем ты.

– О вашем содержании. Каждый месяц вам платят за меня две тысячи лунных камушков, – поясняю я.

Согласно завещанию отца, до моего девятнадцатилетия она получает щедрые выплаты на мое содержание. Конечно, если я остаюсь под ее опекой. После дня рождения я смогу заявить права на наследство и жить, где мне вздумается. Платить ли дальше мачехе, буду решать лишь я сама. Но она не подозревает, что я задумала. После того как отдам все наследство на благотворительность, ни ей, ни мне никогда не увидеть этих денег.

Мачеха даже не выглядит пристыженной. Похоже, скорее удивлена.

– Как ты узнала?

– Порой весьма полезно быть незаметной, – поясняю я. – Я случайно услышала, как вы изливали свои горести Имоджен.

У миссис Коулман вспыхивают щеки. Она резко отворачивается и подходит к прикроватному столику, где лежит серебряная маска. Взяв вещь в руки, она произносит:

– Мне пришлось пойти на это ради девочек.

– Можно было просто меня попросить! – Голос дрожит от сдерживаемой ярости; мне хочется лишь кричать. – Попросить остаться, чтобы не лишать вас средств к существованию. И обращаться со мной, как с членом семьи.

Она вновь переводит взгляд на меня и резко делает шаг вперед, в ее движениях сквозит угроза.

– Ты не член семьи! И не смей говорить, что я не просила.

– Просили? Да вы просто-напросто повлияли на меня, чтобы заставить заключить сделку!

– Повлияла, как же! – Она медленно приближается ко мне, одаривая высокомерным взглядом. – Полагаешь, тебе тяжело? Но ты ничего не знаешь о боли. И не познала трудностей.

Я бы поспорила, учитывая, сколько вытерпела за последние годы от мачехи и сестер. Но в ответ лишь поджимаю губы. Не стоит даже и пытаться. Она ни за что не признает собственную низость. А я в ее глазах всегда буду злодейкой, которая заслуживает ненависти. И дело не в убийстве мужа. После его смерти мачеха даже не скрывала, что скорбит не по нему, а по его деньгам.

Несколько мгновений она прожигает меня хмурым взглядом, а потом протягивает маску. Я пытаюсь ее взять, но мачеха не выпускает подарок Джеммы из рук. Я тяну за край маски, но миссис Коулман лишь подходит еще ближе.

– Когда ты получишь наследство отца, то не дашь нам ни лунного камешка, верно?

Я могла бы солгать. Или сказать, что подумаю. Возможно, сделать попытку повлиять на нее так же, как она на меня в свое время. Но нет, не сейчас. Я слишком устала, а желанная свобода уже маячит на горизонте.

Выдержав пристальный взгляд мачехи, я говорю правду:

– Нет. Пока я жива, вы больше не увидите ни крупинки состояния отца.

– Я могу тебя заставить. Хоть в этот самый миг приказать тебе отдать все деньги.

– Это бессмысленно. – Я пожимаю плечами. – Я не смогу ни исполнить приказ, ни послушаться, ведь у меня нет прав на эти деньги. А когда получу наследство, наше соглашение уже потеряет силу и вы не сможете мной управлять.

Мачеха мрачнеет.

– Отцу не помешало бы научить тебя доброте, – едко бросает она.

– Он научил, – шепчу я.

Лишь из-за отца я вообще стараюсь хоть отчасти вести себя с ними вежливо. Он видел в миссис Коулман нечто хорошее и пытался дать ей и дочерям любовь и поддержку. Меня они почему-то невзлюбили, но отец всегда уверял, что на плохое обращение стоит отвечать добротой и тогда ко мне станут относиться лучше.

Но всегда быть доброй перед лицом жестокости просто не в моем характере. Ведь в моих жилах течет кровь матери, а в сердце до сих пор отдается ее последняя просьба:

«Никогда не сдавайся. Обещай мне».

Неприятно хмыкнув, мачеха в конце концов отпускает маску и проходит мимо меня к двери. Но на пороге останавливается.

– Когда мы приедем на бал, ты станешь хорошо себя вести. Будешь послушна и ни в коем случае не попытаешься затмить моих дочерей.

Я поднимаю голову и выпрямляюсь, пусть даже мачеха стоит ко мне спиной и этого не видит.

– Вы же сами вчера сказали, что в этом платье я с таким же успехом могла бы быть невидимой.

Глава 8

Франко

Маскарад Новолуния еще не начался, но тронный зал уже насквозь пропах людским отчаянием. Стоя в дверях с бокалом вина в руке, я лишь морщусь, разглядывая умело накрытые столы и стулья, расставленные по периметру комнаты. Взгляд притягивают освежающие напитки, и я замечаю среди них единственный, не самый лучший, сорт вина фейри. Обвожу взглядом остальную часть комнаты, потом, прищурившись, смотрю на помост. На обсидиановый трон сестры, откуда сегодня вечером на глазах собравшихся мне надлежит приветствовать аристократов и улыбаться выставляемым передо мной «подходящим» дочерям.

Я просто не в силах понять, почему, несмотря на отвратительную репутацию, мне по-прежнему пытаются подсовывать девушек. Первые пару лет она спасала меня от внимания полных надежд влюбленных. Но со временем каким-то образом стала сродни открытому приглашению, побуждая мужчин и женщин пытаться за мной ухаживать. Сперва я даже забавлялся и получал удовольствие. А потом наскучило. Теперь я скорее чувствую себя оскорбленным.

Хвала Всесущей, сегодня меня хотя бы не заставят танцевать.

Я много лет назад зарекся танцевать на балах и желал бы никогда не вспоминать, почему так случилось. Конечно, если бы речь шла о традиционном пире новолуния, а не человеческих танцульках, я бы с радостью пустился в пляс. Расположившись под открытым небом, готовился бы к безудержному веселью, дрящемся всю ночь. Мы бы выпили хорошего вина, вроде «Полночного румянца», заставляющего чувствовать себя безмерно счастливым. Били бы барабаны, а вокруг звучала бы дикая, непредсказуемая музыка. И мы бы танцевали, беспорядочно и чувственно и... Ничуть не похоже на банальный жесткий этикет, с которым мне предстоит столкнуться сегодня.

Я подношу к губам бокал с вином и делаю большой глоток горько-сладкой жидкости. Конечно, не «Полночный румянец», но, надеюсь, до конца вечера оно приведет меня хотя бы в полубессознательное состояние.

– Уже пьете, ваше высочество? – раздается скрипучий голос.

Обернувшись, я натянута улыбаюсь идущему ко мне мужчине.

– Брат Марус, я не знал, что вы любите танцевать.

– Вовсе нет. – Он оглядывает комнату взглядом, полным презрения, почти как я. – И все же хотелось бы удовлетворить определенные желания. Так уж случилось, что мне нужна жена.

– И где лучше всего ее раздобыть? На местной ярмарке. О, простите, там продают домашний скот. Хотя вряд ли ваш подход к выбору невесты чем-то отличается. – Последние слова я бормочу себе под нос и делаю еще глоток вина.

Не поняв шутки, брат Марус по-прежнему не сводит с меня немигающего взгляда. Еще довольно молодой, темноволосый, темноглазый, он мог бы показаться даже привлекательным, если бы не полное отсутствие чувства юмора. С другой стороны, от братьев церкви Сан-Лазаро трудно ждать чего-то иного.

Заложив руки за спину, он подходит на шаг ближе.

– Ходят кое-какие слухи, мой принц.

– Не сомневаюсь, и много. Хотя я никогда не считал их наличие интересной темой для разговора. Они наверняка существовали с момента зарождения мыслящего разума. Ибо если кто-то может думать, то в состоянии строить догадки. – Брат Марус по-прежнему стоит с каменным лицом, не поведя даже бровью. Вот ублюдок. – А знаете, что в самом деле интересно? Возьмем, к примеру, слово «ублюдок». Люди почему-то считают его оскорблением. Да и у вашего ордена есть несколько поистине фантастических ругательств.

У него начинает дергаться глаз. Уже кое-что.

Марус прочищает горло:

– Поговаривают, что неспроста королевы Никсии нет на светских празднествах в этом году. А еще ходят слухи, что вы вскоре можете занять трон.

– Кто и почему судачит обо мне? Наглость чистой воды. – Я пытаюсь сделать еще глоток вина, но бокал уже пуст. Вдохнув, направляюсь к столу с напитками, чтобы вновь его наполнить.

К сожалению, Марус от меня не отстаёт.

– Ваше высочество, я просто хотел сказать, что церковь Сан-Лазаро высоко ценит поддержку вашей сестры...

– Не убивать – вовсе не значит поддерживать, но продолжайте.

– Теперь при дворе есть и наши представители. Мы лишь хотим, чтобы наши учения признали основной человеческой религией и позволили остальным свободно следовать нашей вере. – Он замолкает, и на один восхитительный миг я надеюсь, что больше от него ничего не услышу. Но, пока наливаю себе вина, чувствую, как он медленно подходит ближе. Его энергия струится вокруг меня, как грязные потоки сточных вод. – Принц Франко, надеюсь, когда вы унаследуете трон сестры, мы по-прежнему сможем поддерживать мир. Это будет выгодно обеим сторонам.

Я чувствую, как поднимаются волоски на затылке. Его энергия спокойна, но я невольно задаюсь вопросом, не содержат ли слова скрытой угрозы. В конце концов, именно церковь Сан-Лазаро ответственна за разжигание восстаний одиннадцать лет назад. Пусть стычки, судя по всему, и провоцировали отдельные последователи, а не орден в целом, я не особо доверяю кому-либо из их братии, пусть даже после подавления восстаний и уничтожения подстрекателей они подписали соглашения о мире. Бесит, что сестра вообще позволяет жить во дворце члену братства. Никсия постоянно убеждает меня, что, признав должным образом их верования, мы избежим повторения истории. Полагаю, она права. Но почему, во имя ночи, братство выбрало именно Маруса? Неужели для представления своих интересов они не могли прислать кого-то менее... невыносимого?

– Если настанет этот день, мы все обсудим, – отвечаю я с вымученной улыбкой. Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но возле двери возникает четвероногий фейри, предлагая мне чудесное спасение. – Приятно было пообщаться, но я должен поговорить со своим посланцем. Наслаждайтесь балом.

Я одним глотком выпиваю вино и ставлю на стол пустой бокал. Стоит отойти от Маруса, как с моих губ сползает улыбка. Я направляюсь к застывшему у двери Оги, послу Лунарии. Черно-серый енот с пушистым хвостом настороженно шипит, не отрывая желтых глаз от мужчины позади меня.

– Он мне не нравится, – сообщает Оги. – Пахнет чем-то...

– Вроде коррупции и непомерных амбиций? А еще он просто воняет, как человек, который десять с лишним лет держал все свое дерьмо в себе? Знаю. Большинство из них – просто подхалимы.

Выйдя из тронного зала, мы шагаем по коридору.

– Когда он умрет, можно я его съем? – спрашивает Оги.

– Ну, – протягиваю я, – вряд ли это хорошая мысль. Во-первых, люди захотят похоронить его тело, оплакать, пропеть псалмы, как у них заведено. Во-вторых, ты ведь посол. Даже послу неблагих должна быть присуща некая чувствительность, а не склонность к поеданию людской плоти.

– Я могу сменить ипостась, – хмыкает он. Потом, содрогнувшись, поднимается на задние лапы, и пушистое тело енота превращается в человеческое. Он шевелит угольно-черными бровями в тон коротко подстриженным волосам. Желтые глаза меняют оттенок и теперь по цвету больше напоминают темный янтарь. Но сильнее всего взгляд притягивают уши. У боль-

шинства фейри они вполне человеческие, со слегка заостренными кончиками. Но треугольные уши Оги, расположенные на макушке, покрыты шерстью и весьма похожи на присущие его неблагодатной форме. – Так лучше?

Хихикнув, я пихаю младшего фейри локтем в ребра. Пусть в благой форме мы с ним на вид примерно одного возраста, на самом деле он моложе меня на добрых двести лет. Наверное, поэтому мы так хорошо ладим. Фейри постарше порой бывают столь же скучными, как люди.

– Что новенького, Оги? Есть кто-то интересный или нас ждет самый скучный в жизни вечер?

– Здесь мадам Флора. Сняла комнату на ночь.

Я широко улыбаюсь.

– Она все же решила приехать. Отлично. Кстати, о мадам Флоре. Ты, случайно, никому не говорил о моей недавней поездке в лавку чаровницы?

Он морщится.

– Не нарочно.

– Оги! – Я почти рычу его имя.

– Ну, я кое с кем встречаюсь. Она служанка и... ну, мы говорили о бале, и мне пришлось сказать, почему я не смогу с ней танцевать...

– Проклятие, Оги! Ты ведь знаешь, что не стоит обсуждать мои личные дела. Ты хоть представляешь, что наделал? Снаружи поджидали толпы женщин, готовых наброситься на меня в любой момент.

– Чтобы... прикончить тебя?

– Вовсе нет. Не сомневаюсь, что они хотели станцевать вальс. В горизонтальной плоскости. А после получить предложение руки и сердца.

Оги ухмыляется, будто я хвастаюсь, а не рассказываю жуткие ужасы. Я наставляю на него палец.

– Я серьезно. Не болтай направо и налево о моих передвижениях. Особенно когда я собираюсь в человеческий город.

Он покорно кивает.

– Прости. Это не повторится.

– Отлично. Тебе повезло, что я не рассказал сестре. Полагаю, она уже не раз пожалела, что положила на мое слово и наняла тебя. Кстати, где поселили мадам Флору? Я бы с удовольствием с ней поздоровался.

– В крыле Рассветной Звезды, чуть дальше по коридору от твоей принцессы-селки. Может, лучше поздороваться с ней? Ты ведь ее еще не видел?

– Клянусь, я пытался уже несколько раз. Но мужской голос из-за двери неизменно сообщает, что она плохо себя чувствует. Разве не стоит волноваться, что в спальне женщины, за которой мне следует ухаживать, находится мужчина?

– Это вполне может быть ее голос. К тому же тебя вовсе не тревожит, что она плохо себя чувствует?

Я пожимаю плечами.

– Меня скорее беспокоит, что я в принципе не особо волнуюсь.

Оги закатывает глаза.

– Насколько я понял, ей уже намного лучше и она общается с соседями. Не столь давно видел, как она выходила из комнаты мадам Флоры.

– Постой, ты видел ее раньше меня? И где справедливость? – Я начинаю возмущаться, но быстро напоминаю себе, что мне все равно. И все же могла ли она прикинуться больной, чтобы со мной не встречаться? Мне и в голову не приходило, что, возможно, мои ухаживания ей нужны не больше, чем мне самому. – Наверное, все же стоит узнать, придет ли она на бал. Впрочем, если принцесса ходила к мадам Флоре, то, скорее всего, покупала чары на сегодняш-

ний вечер. Но, надеюсь, мне не придется повсюду таскаться с ней под ручку и менять наши планы. Согласен?

Его губы кривятся в лукавой усмешке.

– Согласен.

* * *

Глубоко вздохнув, я стучу в дверь спальни принцессы Мэйзи.

– Кто там? – спрашивает, как и прежде, тот же мужской голос.

– Принц Франко, – поясняю я. – Снова.

Из комнаты доносится шаркающий звук, за которым следует ритмичное постукивание. В отличие от прошлых раз, никто не просит меня уйти и вернуться позже. Наконец дверь со скрипом открывается, и я вхожу в комнату, но там никого нет.

– Она гуляет, – сообщает мужской голос.

Я поворачиваюсь на звук и успеваю краем глаза заметить темные очертания небольшого тела, падающего с дверной ручки. Существо приземляется на пол, и передо мной оказывается некое покрытое грибами крабообразное. Я хмурюсь. Не столь уж редкий тип фейри. Подобные ему селятся там, где влажно, тепло и не слишком много солнца, поэтому их можно встретить во многих королевствах Фейривэя. Тем не менее конкретно его я вижу впервые. Он точно не служит во дворце.

– А вы кто такой?

– Подаксис, – скупающе поясняет он и семенит, щелкая клешнями, в другой конец комнаты.

Переваливаясь с боку на бок и стуча лапками по мраморному полу, он ведет меня к закрытым балконным дверям. Теперь понятно, что за звук я слышал.

– Вы слуга принцессы?

Застыв, Подаксис устремляет на меня глаза-бусинки.

– Слуга? Я вас умоляю. Вы разве не слышали о друзьях, ваше высочество? – Он постукивает клешнями по двери.

– Войдите, – раздаётся оттуда женский голос.

Тут же возникает желание ее поправить. Не слишком уместно говорить «войдите» тому, кто выходит из комнаты на балкон. Но я сдерживаюсь. Вероятно, не стоит начинать знакомство с ней с досадных замечаний.

Я распахиваю балконные двери и утыкаюсь взглядом в темнеющее небо. В дальнем конце балкона на стуле сидит женщина-фейри в людском обличье и смотрит на горизонт, где закатное солнце расцвечивает небо последними яркими штрихами. Загорелая, с румянцем на щеках, бледно-розовые волосы уложены в безупречную причёску, и лишь несколько выющихся прядей обрамляют лицо. Я не могу разобрать цвет глаз, но, полагаю, голубые или серые.

– Добрый вечер, принцесса Мэйзи, – начинаю я, растягивая губы в самой обаятельной улыбке. – Я принц Франко.

Она бросает на меня быстрый взгляд, но тут же отводит глаза.

– Очень приятно, – произносит она голосом, лишенным всяких чувств.

Пробежав по балкону, Подаксис взбирается на одеяло, которым укрыты ее ноги, и, потоптавшись, устраивается у принцессы на коленях. Мэйзи поглаживает его, а затем повыше натягивает одеяло на бедра. Я чувствую, как она вдруг начинает беспокоиться, но не могу понять причины. Принцесса возится с одеялом, следя, чтобы оно полностью закрывало нижнюю половину тела. Может, она стесняется своего наряда? Лично я вижу лишь пару туфель из бледно-голубого шелка, усеянного крошечными жемчужинами, которые выглядывают из-под нижнего края одеяла.

Я делаю шаг ближе и понимаю, что оказался в необычном положении. Здесь нет второго стула, чтобы сесть, а принцесса, похоже, вовсе не горит желанием подняться для разговора со мной. Весьма странно общаться, нависая над ней, и я прислоняюсь к перилам балкона.

И... ничего не говорю.

Она тоже молчит. Может, просто нервничает или изо всех сил старается, чтобы я почувствовал себя нежеланным гостем. Обычно я точно так же избавляюсь от нежелательных знаков внимания, и весьма странно испытать подобное на собственной шкуре. Ну, по крайней мере она не хлопает ресницами и не подсчитывает мое состояние.

Я прочищаю горло.

– Как вам Лунария? Понравилась?

– Здесь довольно сухо.

– Да, полагаю, морская фейри может так сказать о любом королевстве на суше. – Я наблюдаю за ее лицом, гадая, улыбнется ли она, но... нет. Втянув воздух, чтобы почувствовать ее эмоции, я натываюсь на раздражение. Энергия просто бурлит в ней. Похоже, Мэйзи не терпится оказаться где угодно, лишь бы не со мной. – Итак, что привело вас сюда?

Наконец она поднимает взгляд и пристально смотрит мне в глаза.

– Не сомневаюсь, что вы в курсе, ваше высочество. Вы должны за мной ухаживать. Отец надеется, что мы поженимся к концу месяца. – В ее тоне нет горечи, впрочем, как и тепла. Скорее, в нем слышится... беспокойство. Но почему?

– Принцесса Мэйзи, если вы приехали сюда против своей воли, я не буду принуждать вас остаться. – Когда слова слетают с губ, я ощущаю нечто среднее между облегчением и разочарованием. Если она уедет, мне не придется за ней ухаживать. Но так я, даже не начав, обману ожидания сестры. Я вздыхаю. – Если вы хотите уехать, я...

– Нет, прошу вас, – произносит она и садится более прямо. Ее энергия темнеет, и в ней проскальзывает нотка отчаяния. – Я хочу быть здесь. Мне... это нужно. Пожалуйста, простите мою грубость. Я никогда не жила за пределами Мореи. Вы даже не можете себе представить, каково оказаться в этом теле, оторванной от тепла и пены, окруженной воздухом, который иссушает кожу, вытягивая из нее жизнь. И ступать по суше на двух ногах, которые не желают слушаться.

Такое чувство, что она что-то скрывает. Но, по крайней мере, я смог ее разговорить. Однако, как ни прискорбно, она больше реагирует на искренность, чем на обаяние. Общаясь с незнакомцами, мне трудно поддерживать серьезный тон, и все же я стараюсь быть терпеливым и говорить слова, которые ей хочется услышать.

– Я понимаю гораздо больше, чем вы думаете. У меня тоже несколько ипостасей. В форме ворона я очень быстрый, а в этом теле – наоборот. Когда я только учился превращаться, приходилось поочередно находиться то в одной ипостаси, то в другой.

Она кивает и впервые дарит мне некое подобие улыбки.

– Спасибо за понимание.

Больше похоже на какой-то формальный ответ, чем на слова, идущие от сердца, но хоть что-то. И раз уж я разговорил ее, то должен продолжать в том же духе.

– Значит... перед тем как приехать сюда, вы редко принимали благу форму?

Она качает головой.

– Я редко снимала шкуру селки. Я не очень любила танцевать после заката, как мои кузины, и не стремилась посещать с братьями прибрежные пабы по ночам.

Я на миг задумываюсь над ее словами. Селки – один из немногих типов фейри, которые не меняют ипостась, стоит лишь захотеть. Скорее, снимают тюленьи шкуры, обнажая скрытые под ними людские тела. Восхитительно и в то же время почти чарующе мерзко. Я уже готов расспросить Мэйзи поподробнее, но ощущаю, что энергия ее вновь меняется, становясь ровнее и спокойнее. Принцесса снова теряет ко мне интерес.

– Почему вы согласились на мои ухаживания? – с искренним любопытством спрашиваю я.

– Отец хочет породниться с королевской семьей на суше, – поясняет она, но я по-прежнему чувствую, что за ее словами скрывается что-то еще.

Я подмигиваю.

– Но я ему не слишком понравился и он не стал свататься сам?

Принцесса лишь смотрит на меня пустым взглядом, даже не пытаясь улыбнуться.

Я прочищаю горло, вновь принимая серьезный вид.

– Как бы то ни было, я рад, что вы здесь. Вы придете сегодня на бал?

– Не знаю. Я ведь сказала, что никогда не любила танцы.

Я хмурюсь. Если она не собиралась придти на бал, то зачем тогда навешала мадам Флору? Судя по нашему разговору, Мэйзи не слишком-то общительна. И мне с трудом верится, что принцесса решила просто из вежливости зайти к незнакомке. Или ее холодность предназначена лишь мне? В любом случае, если она не придет, я не расстроюсь. Я уже продумал для себя запасной вариант и смогу неплохо развлечься.

Отлепившись от балюстрады, я отвешиваю поклон.

– Если вы все же решите прийти на бал, для меня будет честью вас видеть. Если нет, я зайду утром.

Она кивает, и я прохожу с балкона в ее комнату. Оказавшись вновь в коридоре, мне с трудом удается сдерживать желание расхохотаться. Мэйзи далеко не самая худшая из женщин, за которыми я ухаживал, но мы с ней совершенно не совместимы. Лишь при мысли о том, что мне нужно общаться с ней целый месяц, внутри поселяется страх. Ей не пришлось по вкусу мое обаяние, и она с трудом терпела мою искренность. Вероятно, я понравился бы ей лишь в том случае, если бы мне сделали лоботомию.

С другой стороны, идеальный расклад. Она мне ничуть не подходит и открыто выказывает безразличие. Поэтому, когда все закончится, не будет разочарования ни с моей стороны, ни с ее.

По крайней мере, никто не пострадает.

Глава 9

Эмбер

Поездка в экипаже до дворца Селены становится тяжким испытанием: мачеха с сестрами ведут себя еще хуже, чем обычно. Нет, сперва они были довольны и возбужденно щебетали, но потом увидели, в каком состоянии прибыл нанятый кеб. За такой короткий срок весьма проблематично отыскать четырехместный экипаж в Сером квартале, поэтому нам пришлось залезть в старую ржавую развалюху со скрипящими колесами и тесными, воняющими плесенью сиденьями.

– Такое чувство, что мы едем в гниющей тыкве, – скулит сидящая рядом со мной Клара, хмуро рассматривая пятна ржавчины, проступившие даже внутри кареты.

– Скажи спасибо Эмбер! – бросает миссис Коулман. – Если бы ее подруга поторопилась с приглашениями, у нас было бы больше времени на подготовку.

Я не отвечаю, не сводя глаз с пейзажа за окном. Трудно жаловаться на плачевное состояние экипажа, когда из него открывается такой прекрасный вид на сельские просторы. Он напоминает мне о землях, лежащих за воротами родительского дома. Но, даже отвернувшись, я чувствую, как взгляд миссис Коулман прожигает меня насквозь. Поцарапанная шпилькой кожа головы до сих пор болит. К тому же мачеха так и не закончила с прической, и мне пришлось самой возиться с волосами. И, конечно, сестры не упустили случая лишний раз меня оскорбить. Как будто им когда-то нужен был повод.

Я постукиваю пальцами по бедрам, мечтая добраться до клавиш пианино.

– У тебя перчатки в пятнах, – произносит Клара. Я не отвечаю, и она, повторив свои слова, тыкает меня в плечо.

Оторвав взгляд от окна, я переворачиваю ладони. Некогда белый шелк и впрямь стал серым. Неудивительно, учитывая, что это единственные мои перчатки для подобных случаев. В последний раз я надевала их в прошлом году, когда играла на пианино на балу во дворце короля Зимнего королевства. На единственном балу, на котором мне довелось побывать до сегодняшнего дня. И то не гостьей, а музыкантом.

– А у меня нет, – продолжает сестра, вытягивая руки, чтобы рассмотреть чистые шелковые перчатки, купленные в лавке мадам Флоры. Наложённые на них чары обряжают ее в роскошное изумрудное платье, покрытое павлиньими перьями, лицо поблескивает золотой пылью, а густые зеленые ресницы чуть загибаются на концах. Наряд выглядит очень реальным. И всякий раз, когда меня задевают ее юбки или перья щекочут руку, я с удивлением понимаю, что чары и на ощупь как настоящие.

– Не дразни ее, – советует Имоджен. Ее чары вплетены в заколку для волос, украшенную черными перьями, и волосы, уложенные в высокую прическу, приобретают такой же оттенок. На ней темно-синее зачарованное платье с перьями ворона по лифу, а на глазах – темная подводка. Она бросает на меня взгляд и жестко добавляет: – В этом простеньком платьице она и так уже чувствует себя достаточно уродливой, когда на нас такие великолепные чары. К тому же надо бы поблагодарить сводную сестренку за сегодняшние приглашения.

– Эмбер знает, что это *ей* стоит быть благодарной, – произносит миссис Коулман. Ее чары спрятаны в рубиновом ожерелье, и верхнюю часть лица скрывает черная маска, окруженная мерцающей дымкой. Зачарованное платье серебристо-черное, с высоким воротом и длинными рукавами, ниспадающими почти до самого пола.

На мне же простое красивое платье и обычная маска без всяких чар.

– Я благодарна, – бормочу я.

На самом деле мне отчего-то неспокойно. После ссоры с мачехой я чувствую себя все более неудобно, и это чувство тяжким грузом давит изнутри. Сердце, напротив, по мере при-

ближения ко дворцу бьется все быстрее. Может, все же пришло волнение, о котором я когда-то мечтала? Или дело в страхе?

– Ты и должна быть благодарна, – бросает Клара. – Ты хоть представляешь, какая это честь – попасть на королевский бал?

– Очень надеюсь, что бал будет приличным, – произносит Имоджен. – Цеплять на себя чары уже само по себе довольно вульгарно.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки, чтобы сдержать смех. Если Имоджен считает чары вульгарными, что же она скажет, когда увидит хозяина бала?

– Этот бал принц устраивает для людского сообщества, – говорит миссис Коулман. – Полагаю, он понимает разницу между балом и пирушкой. Пусть даже принадлежит к правящей семье неблагих.

Клара неловко ерзает на сиденье.

– Принц ведь на самом деле не вампир?

Имоджен пожимает плечами:

– Говорят, эмоциональный вампир, что бы это ни значило. Но, конечно, он не пьет кровь. Принца Франко называют одним из самых красивых членов королевской семьи. Никто в здравом уме не сказал бы таких слов о кровопийце.

Сомневаюсь, что кто-нибудь в здравом уме назвал бы принца красивым, но есть несколько других, вполне подходящих ему определений. Конечно, я не говорю об этом вслух.

– Я слышала, у него есть татуировки, – добавляет Клара. – Разве это не вульгарно?

Мачеха пренебрежительно машет рукой.

– Не забивайте голову. Принц Франко – достойный член королевской семьи, об остальном даже не волнуйтесь. Не сомневаюсь, бал пройдет на должном уровне.

* * *

Наш экипаж подъезжает ко дворцу и занимает место в конце длинной цепочки гораздо более элегантных карет. Я впервые вижу дворец – причудливое сооружение с колоннами из лунного камня и стенами, украшенными опалами и обсидианом.

– Вылезайте, и побыстрее, – велит миссис Коулман.

Клара удивленно открывает рот.

– Но мы ведь еще не приехали.

– Неважно. Остаток пути пройдем пешком. Вылезайте, пока кто-нибудь не заметил наш экипаж!

Сестры больше не спорят, и мы втроем поспешно высаживаемся из кареты. Мачеха бросает плату за проезд в раскрытую ладонь кучера и резко отстраняется, словно бы он ее обжег.

Остаток пути по широкой подъездной аллее мы идем пешком. Вид на дворец становится все лучше, и во мне растет благоговение. Я никогда не была во дворце, не говоря уж о зачарованном бале.

Подойдя к парадным ступеням, мы вливаемся в толпу гостей, вышедших из карет. На всех настолько причудливые чары, что, когда мы начинаем подниматься по лестнице, я стараюсь не разевать рот. Однако не всегда удается сдержаться. Как обычно, я иду позади Коулманов, следя за каждым шагом и стараясь не слишком высоко поднимать юбки. В отличие от сестер у меня нет танцевальных туфель, и я вовсе не желаю показывать скрытые под подолом простые, поношенные башмаки.

Пройдя полпути вверх по лестнице, я слышу доносящиеся из дворца первые звуки музыки. Они обрушиваются на меня, почти лишая дыхания. Музыканты мастерски сплетают живую, веселую мелодию, от которой так и хочется пуститься в пляс. Пальцы подрагивают

от желания им подыграть. Спокойствие мешается с возбуждением, меня будто подхватывает игривый ветерок, ноги становятся легче, а из сердца уходит лишняя тяжесть.

Возможно, все пройдет не так печально. Пусть мне не интересно танцевать с незнакомцами или забрасывать сети в надежде поймать себе мужа, но не стоит бояться того, что ждет. Может, мне даже удастся убедить себя, что сегодня вечером я смогу... повеселиться?

Мы поднимаемся на верхнюю площадку и подходим к парадным дверям. Мачеха протягивает наши приглашения безупречно одетому фейри в наряде лакея. У него заостренные уши и алые волосы, весьма редко встречающиеся у людей. Нелепо длинные закрученные усы имеют тот же ярко-красный оттенок.

Пока фейри изучает четыре карточки, я вижу, как напрягаются плечи мачехи. Лакей вдруг широко распахивает глаза, и я замечаю под его руками слой льда, появившегося на приглашении с именем миссис Коулман.

– Эмбер! – шипит она, щелкая пальцами в мою сторону.

На долю секунды я решаю назло ей остаться на месте. Если не подойду ближе, может, карточки полностью затянет льдом и они разлетятся на части? Будет весьма заманчиво разрушить планы мачехи. Ноги почти прирастают к полу.

Но я ведь уже услышала музыку...

Я проскальзываю мимо сводных сестер и встаю перед лакеем. Миссис Коулман делает шаг назад. Она крепко стискивает челюсти, и я понимаю, что необходимость поступить так ее вовсе не радует. Лакей переводит взгляд с приглашений, три из которых уже покрылись корочкой льда, на меня. Я одариваю его улыбкой, и карточки в его руках, быстро оттаяв, возвращаются к первоначальному виду.

– Сильная магия, – хмыкает лакей, подергивая усами.

А потом, кивнув, пропускает нас внутрь.

Как только нам разрешают пройти, Коулманы тут же протискиваются вперед, оттесняя меня на привычное место сзади. Мачеха бросает через плечо предупреждающий взгляд, веля не подходить к ним до конца вечера. Меня это вполне устраивает. Они не станут следить за каждым моим шагом и прилюдно меня унижать. К тому же по мере приближения музыка становится все громче.

Я замедляю шаг, чтобы оказаться подальше от мачехи с сестрами, ивливаюсь в толпу незнакомцев, тут же на фоне восхитительных чар становясь почти невидимой. Я следую за потоком гостей по коридору, вероятно, в бальный зал, и у меня разбегаются глаза. Все вокруг просто захватывает дух, начиная со стен из лунного камня и до обсидиановых балок высоко над головой.

Наконец, мы подходим к открытым дверям и попадаем внутрь. Музыка обволакивает меня, струится по венам, проникая прямо в кровь. Она повсюду, наполняет бальный зал, заставляя сердце петь, и я направляюсь в центр комнаты, где гости танцуют кадрили. На миг застываю, разглядывая движущихся в такт музыке мужчин и женщин, но спешу уйти, чтобы меня не пригласили составить им компанию. Да, я узнала танец, но никогда не разучивала движений и не пыталась его исполнять. Хотя, учитывая обилие великолепных чар, кто пригласит на танец девушку в простой маске?

Скользя по краю отведенного для танцев пространства, я рассматриваю чары окружающих. Порой среди них встречаются весьма необычные. Очень много гостей щеголяют изящными клювами и перьями ворона, очевидно, стремясь отдать дань уважения принцу. Но я замечаю пару слоновьих бивней, львиную гриву, еще двух павлинов, даже более вычурных, чем наряд Клары, и множество чар, представляющих собой необычное смешение формы и цвета. Кое-кто, подобно мне, даже выбрал простую официальную одежду в сочетании с маской, но, похоже, в основном это мужчины.

Добравшись до дальнего конца танцевальной площадки, я поднимаю глаза к огромному стеклянному куполу, возвышающемуся над головой. На черном небе ярко блестят тысячи звезд – кажется, прежде я никогда не видела таких огромных. Луны нет, да оно и понятно, ведь сегодня маскарад Новолуния.

Я отрываю взгляд от купола и рассматриваю комнату, осознавая вдруг, что большая часть света в зале исходит именно от звезд. Отражаясь от стен из опала и лунного камня, он придает танцующим необычное, чуть заметное сияние. Вдобавок возле потолка порхают несколько шариков синего света,двигающихся в такт музыке.

Музыка!

Повернувшись на звуки оркестра, я чуть не спотыкаюсь о ступеньку, но тут же прихожу в себя и, выпрямившись, утыкаюсь взглядом в помост, на дальнем конце которого сидят музыканты. Пианино, арфа, флейта, скрипка, труба... Прежде мне не доводилось играть в подобном окружении. Пальцы покалывает от желания коснуться клавиш, и бедра сами собой начинают покачиваться. Лица музыкантов сияют, музыка звучит столь живо и энергично, что на глаза почти наворачиваются слезы.

Я задерживаю взгляд на скрипаче, с удивлением отмечая, что у него заостренные уши. В остальном же он выглядит, как человек. Юное лицо и манера улыбаться во время игры очень сильно напоминают мне другого скрипача, с которым я когда-то имела удовольствие познакомиться. Наполовину фейри, именно он научил меня, что на самом деле значит свобода и как можно ее отыскать, скитаясь по дорогам. Это было в прошлом году, еще до того, как мачеха строго-настрого запретила мне выходить из дома после наступления темноты. Мы тогда жили в коттедже в Весеннем королевстве, и почти каждую ночь я вылезала из окна, чтоб посетить концертный зал в центре города. В отличие от облюбованных Коулманами официальных балльных залов и оперных театров, концертный зал предназначался для странствующих музыкантов. Здесь со сцены звучали незнакомые мелодии, а песни часто исполняли певцы и певицы с великолепными голосами.

Вот тогда-то я и познакомилась со скрипачом из заезжего оркестра, парнишкой полуфейри, чьего имени так и не узнала, даже несмотря на то, что в комнатухе за кулисами мы провели вместе ночь. Стремясь попасть домой прежде, чем миссис Коулман заметит мое исчезновение, я ушла не попрощавшись еще до восхода солнца. А следующим вечером на сцену вышла уже новая группа, и я решила, что больше никогда его не увижу. Как ни странно, я не чувствовала разочарования. Лишь... покой.

В следующий раз мы встретились со скрипачом во время светского сезона в Летнем королевстве. Я вновь отыскала местный концертный зал, а там нашла его. Мне казалось, он рассердится, а то и вовсе меня не вспомнит. Но нет, он был рад встрече и приветствовал меня как старую подругу. И любовницу. Желанную, но в то же время незнакомую. В ту ночь я так и не узнала его имени. Но он объяснил, куда податься, если я ищу такой жизни, как у него. В город Люменас, где живут все любители музыки и почти каждый может начать карьеру музыканта.

Именно тогда я решила, что, как только мне исполнится девятнадцать и сделка с миссис Коулман потеряет свою силу, отправлюсь в Звездное королевство. А там вступлю в любую труппу, которая меня примет, и моим домом станет дорога. Лишь там я придусь ко двору, несмотря на различия. Во мне слишком много от человека, но и не меньше от фейри. Только скитаясь по дорогам, я смогу кем-то стать, взять новое имя, позволить говорить за себя музыке. И обойдусь без каких-либо уз или привязанностей.

Мне хватит одной лишь свободы.

Поймав мой взгляд, скрипач вдруг подмигивает. Я застываю на миг, удивленная его вниманием, и бросаю взгляд через плечо, чтобы проверить, не заметил ли он кого-то другого. Но все позади меня, похоже, либо танцуют, либо с кем-то разговаривают.

Ободренная воспоминанием о бывшем возлюбленном, я растягиваю губы в улыбке и вновь бросаю взгляд на скрипача. Но обзор мне заслоняет новая фигура, неторопливо шагающая по помосту к обсидиановому трону.

Я стискиваю челюсти, и вся прежняя радость тут же испаряется.

Потому что передо мной принц.

Глава 10

Эмбер

На голове принца Франко изогнутая серебряная корона, в вырезе расстегнутой кружевной розовой рубашки виднеется часть груди, украшенной черными татуировками. На ногах – сапоги на каблуках. С шеи свисают нитки черно-белых бус, а на плечах покоится накидка из перьев. И ни намека на крылья, которые вчера раскрылись у него за спиной. Значит, они появляются и исчезают по его желанию. Судя по неровной походке и огромному золотому кубку в руке, он уже основательно пьян.

Все сказанные им вчера высокомерные слова эхом отдаются в голове, заглушая спокойствие, царившее во мне еще минуту назад. Наверное, стоило бы отступить от помоста и раствориться в толпе, но мятежный дух удерживает меня на месте. И я вызывающе вздергиваю подбородок, уже не боясь быть узнанной.

Музыка смолкает, и Франко замирает перед тронем. Танцы прекращаются, и взгляды всех присутствующих обращаются к принцу. Гости склоняются в поклонах и реверансах. Кто-то преклоняет колени до самого пола. Я же отделяюсь легким книксеном. По толпе прокатываются аплодисменты, напоминая, что, несмотря на роскошь и обилие окружающих меня чар, это людской бал, а не праздник фейри.

Принц вытягивает руки и чуть приподнимает ладони, словно дирижер, убыстряющий темп музыки.

– Перед вами принц, а вы отделяетесь лишь аплодисментами? – Слова звучат слегка невнятно, а тон голоса выше, чем вчера. И я лишний раз убеждаюсь, что он перебрал.

В толпе вновь начинают хлопать, на этот раз немного громче, над головами со свистом носятся огоньки, ухают невидимые совы, и даже музыканты берут какую-то ноту. Франко снова поднимает руки, вызывая очередную волну уханья и свиста, еще пару нот от оркестра и даже несколько восторженных возгласов и криков из толпы.

Ухмыльнувшись, он обводит взглядом комнату. Я перестаю дышать, когда на миг его глаза задерживаются на мне. Но принц так же быстро отворачивается, и на его губах появляется легкомысленная улыбка. Он меня не узнает. Ничуть.

Не впечатленный оказанным ему приветствием, принц лишь усмехается и равнодушно пожимает плечами.

– Наслаждайтесь маскарадом Новолуния.

Он пренебрежительно машет в сторону оркестра, музыканты начинают играть, и танцующие после нескольких беспорядочных движений возвращаются к кадрили.

Франко опускается на трон и, закинув ногу на подлокотник, прислоняется спиной к другому. А потом, словно мы, ничтожные люди, больше не стоим его времени, обращает все внимание на кубок. Принц залпом осушает его, щелкает пальцами, и невысокая – даже ниже меня – женщина-фейри с крыльями, как у мотылька, подлетает, чтобы вновь наполнить его кубок. Я замечаю, как они обмениваются пылкими взглядами. Женщина проводит пальцем по его руке, и в ответ принц закусывает губу, а когда фейри улетает, не сводит взгляда с ее задницы.

С отвращением качая головой, я отворачиваюсь от помоста и, к сожалению, от сидящих на нем музыкантов. Если и дальше смотреть на мерзкого принца, меня может просто стошнить.

* * *

Следующие несколько мелодий я брожу по бальному залу, наблюдая за танцующими, и даже балую себя бокалом вина. Никто не ищет знакомства со мной и не приглашает танцевать –

как раз то, что нужно. Мое красивое бальное платье, похоже, прекрасно справляется с задачей, помогая не выделяться из толпы и в то же время делая меня восхитительно невидимой. Лишь слуги-фейри и огоньки обращают на меня внимание. Впрочем, слуги, среди которых фейри-мотылек, на которую заглядывался принц, замечают меня, только когда я подхожу к столу с напитками. Огоньки, напротив, гораздо общительней. Время от времени они зависают у меня над головой, искушая и дразня тонкими озорными голосами.

– Качайся под музыку!

– Танцуй на помосте!

– Лети с нами!

Вовсе не желая такого внимания, я изо всех сил стараюсь их не замечать, то и дело смешиваясь с толпой, если огоньки становятся особенно назойливыми. Постепенно я понимаю, что они мало к кому пристают. И тут же возникает вопрос: почему я? Потому что не танцую? Или они чувствуют во мне неудовлетворенное желание кружиться, двигаться и играть? А может, дело в моем наследии? Ведь я произошла от ветра. А сами огоньки – создания воздуха и огня, и у нас в крови есть общий элемент.

Я как раз пытаюсь ускользнуть от довольно настойчивой группы маленьких преследователей, когда в ушах раздается голос мачехи:

– Эмбер, милая. О, вот и она.

От ее тона сердце подскакивает к горлу. Миссис Коулман никогда не называла меня милой. И уж, конечно, я не ожидала, что, если мы сегодня вечером случайно пересечемся в зале, она будет рада меня видеть. Хотя до сих пор попытки держаться подальше от нее, Имоджен и Клары оказывались успешными.

Замерев, я поворачиваюсь на голос, краем глаза замечая ее наряд позади беседующей пары. Огоньки-преследователи настигают меня, но, сделав круг над головой, с визгом улетаю прочь. Весьма мудро. Я тоже в ужасе, по какой бы причине меня ни искала миссис Коулман.

– Эмбер, – произносит она и, обогнув гостей, подходит ко мне.

Мачеха кладет руку мне на плечо, словно заявляя на меня права. Как будто впервые за все время нашего знакомства стремится показать нашу связь. Она широко улыбается, и у меня мелькает мысль, что над ней подшутил какой-то фейри, наложив заклинание или чары принуждения. Или, может, она перебрала низкосортного вина? Но потом я замечаю, что улыбка не отражается в ее глазах. К тому же мачеха не одна.

Рядом с ней стоит мужчина. С темными волосами чуть ниже плеч и весьма скромно одетый, особенно для бала-маскарада. Он полностью в черном. Похоже, брюки шились на заказ. Сюртук застегнут до самого верха, так что не видно ни рубашки, ни галстука. Фасон сюртука подсказывает мне, что он, должно быть, из духовенства. Верхнюю часть его лица скрывает простая черная маска, поэтому трудно сказать, сколько ему лет. На подбородке нет щетины, не заметно складок вокруг губ. Так что, вероятнее всего, не больше двадцати четырех.

Конечно, возраст на Фейривэе порой бывает определить довольно сложно. Когда двадцать один год назад рухнула стена, отделявшая людей от фейри, магия распространилась по всему острову. И пусть магией могут владеть лишь фейри, она по-прежнему влияет на повседневную жизнь людей. Проникает в землю, создавая в каждом королевстве особый климат и ландшафт, обеспечивает электричеством через особые сети волшебных проводов. Кроме того, магия оказывает скрытое воздействие на человеческую жизнь, и совсем недавно было доказано, что она замедляет старение. Это касается не всех людей, но, судя по всему, те, кто ближе всего общается с фейри, а особенно состоит с ними в тесных, любовных отношениях, начинают стареть медленнее. Только время покажет, станут ли такие люди бессмертными или просто будут жить очень долго.

Я наполовину фейри, поэтому надеюсь, что старость мне не грозит еще много-много лет. Что же до стоящего передо мной незнакомца, ему может с равным успехом быть как двадцать четыре, так и сорок четыре.

По-прежнему держа руку на моем плече, мачеха поворачивается к мужчине.

– Брат Марус, это Эмбер Монтгомери, моя падчерица. Она наполовину фейри.

– Очень приятно, – кивнув, произносит он.

Я запоздало киваю в ответ. Мысли вяло текут в голове, и я все еще не в силах прийти в себя. Миссис Коулман не только признала меня, но и открыто назвала полуфейри. А ведь прежде даже запрещала мне показывать бирюзовые волосы или упоминать о своем наследии. С чего бы ей так откровенничать с этим братом Марусом? Из какой он церкви, что она так стремится познакомить меня с ним?

И тут я замечаю на его лацкане крошечную эмблему – пару скрещенных мечей над черным пламенем.

Брат Марус из Сан-Лазаро.

Эта церковь разжигала восстания.

В одном из них погибла мама.

Я пытаюсь сделать шаг назад, но миссис Коулман стискивает мое плечо, удерживая меня на месте.

Лоб брата Маруса пересекают морщины, заметные даже над маской, и его беспокойство не ускользает от взгляда мачехи.

– Простите ее, – произносит миссис Коулман, пригвоздив меня к месту взглядом. – Она вовсе не хотела быть грубой.

Он натянуто улыбается.

– Я не обижаюсь и понимаю ее тревогу. Но Сан-Лазаро уже не тот, что прежде. Среди нас больше не прячутся мятежники, желающие восстать против монархов фейри, и наши милостивые короли и королевы открыто признали орден. Как представитель церкви при дворе, я пользуюсь расположением королевы, занимаю комнату во дворце и обладаю большим влиянием среди придворных. К тому же умею вести себя прилично.

– Как мило, – мягко говорит миссис Коулман, но меня его слова ничуть не успокаивают.

Одиннадцать лет послушания и несколько королевских привилегий не изменят того, что сделали служители церкви Сан-Лазаро. К тому же мне трудно поверить, что одни лишь мятежники поощряли насилие, заявляя о том, что фейри – не люди, а потомки демонов. Многие погибли за эти убеждения. И люди, и фейри.

Мама была из их числа.

Я до сих пор помню ее последние дни. Как капля за каплей из нее вытекала жизнь, а отравленные железом черные вены пересекали тело, пока не покрыли каждый его дюйм. Я даже не могла ее обнять или ощутить прикосновение, потому что боль от застрявшей в животе железной пули не позволяла ей принять благую форму. Она застряла в неблагом теле, в ипостаси синей, бестелесной сильфиды⁶, с вплавленной внутрь железной пулей. Лекари не смогли ее извлечь.

Она была вынуждена страдать.

И умереть.

«Никогда не сдавайся. Обещай мне».

Я пытаюсь вырваться из хватки мачехи, но она впивается ногтями мне в кожу.

– Стой спокойно, – шипит она себе под нос, и я не осмеливаюсь больше бороться. Она вполне может воспользоваться нашей сделкой и заставить выполнить приказ.

⁶ Сильф – дух воздуха.

Брат Марус подходит ближе, медленно окидывая меня взглядом; его глаза, словно ножи, скользят по моей плоти.

– Это ее благая форма или она носит чары?

– На ней нет чар, – сообщает миссис Коулман.

Марус протягивает руку к моему лицу, и я отшатываюсь. Его ухмылка становится шире, и, не сводя с меня глаз, он подхватывает пальцами выбившуюся прядь. Я боюсь, что он может потянуть за нее, но Марус просто крутит локон в руке.

– Голубые, – шепчет он, – того же оттенка, что и глаза.

Меня захлестывают паника, гнев и отвращение. Несмотря на мягкий тон, улыбку и радость во взгляде, стоит лишь взглянуть на него, как перед глазами тут же встает лицо матери. И я вспоминаю, что фанатики из Сан-Лазаро сделали одиннадцать лет назад. Я обжигаю его взглядом, грудь тяжело вздымается от сдерживаемой ярости.

Брат Марус выпускает мою прядь и, чуть усмехнувшись, поворачивается к мачехе.

– Точно такая, как вы описали.

– Да, – соглашается она, выдавливая из себя улыбку, хотя в ее тоне нет ни капли веселья. – Она довольно дикое создание.

От ее слов внутри все переворачивается. «Дикое создание». Братья из Сан-Лазаро смотрят так на всех, в ком есть хоть капля крови феяри. Она вовсе не случайно познакомила меня с братом Марусом. Она знает, как умерла моя мать и что за чувства я питаю к его братству. Это лишь очередное жестокое наказание, еще одно напоминание о том, как она ко мне относится.

Я прикусываю внутреннюю сторону щеки, чтобы не сказать того, о чем потом пожалею.

«Еще две недели, и все закончится. Просто выполняй свой долг и повинись».

Наконец мачеха убирает руку, и я чувствую, что снова могу дышать.

Брат Марус смотрит на меня.

– Мисс Монтгомери, могу я...

Я делаю шаг назад, достаточно большой, чтобы оказаться вне досягаемости мачехи, и чуть не сталкиваюсь со слугой, несущим бутылку вина.

– Мне нездоровится, – говорю я Марусу.

Миссис Коулман сквозь зубы цедит мое имя, но я проскакиваю между беседующих неподалеку гостей и бегу в другой конец бального зала, чтобы больше не слышать ее слов.

Я останавливаюсь, лишь переступив порог и оказавшись в коридоре. И с горечью понимаю, что мне некуда идти, негде побыть одной. Коридор просто кишит гостями, разгуливающими между бальным залом, столовой и гостиной. А если я выйду из дворца, что тогда? Неужели я рассчитываю пройти пешком весь обратный путь до Эванстона? Это займет не меньше часа. И пусть кожа покрывается мурашками лишь при мысли о том, чтобы после выходки мачехи сесть с ней в один экипаж, мне доставалось и похуже. Может, если я не стану скрывать охватившее меня потрясение, она хотя бы на сегодня закончит с наказаниями.

Сейчас мне просто нужно немного покоя, чтобы собраться с мыслями, вдохнуть свежего воздуха и осушить слезы, начавшие струиться по щекам, пока никто не заметил расстроенную девушку в простеньком бальном платье.

Синие огоньки трепещут и кружат над головой, и я окидываю их пустым взглядом.

– Она хочет летать!

– Она хочет петь!

– Пойдем танцевать с нами!

Голоса всех огоньков звучат очень похоже, но эти почему-то напоминают тех троих, что звали меня летать вчера утром, когда я сидела возле печной трубы. Я стискиваю челюсти и сжимаю в кулаки дрожащие руки.

– Если вы и правда хотите помочь, сейчас самое время.

– Помочь. Мы всегда помогаем, – произносит одна из женщин.

– Забирайся на балки, – советует мужчина, указывая на обсидиановые перекладины над головой. – И прыгай. Мы с тобой. А потом полетим.

– Мне нужно место, чтобы спрятаться, – цежу я сквозь зубы, радуясь, что никто не обращает внимания на мой разговор с огоньками. – Где я смогу побыть одна. Вы хорошо знаете эти коридоры и сможете отыскать для меня такое место?

– Мы сможем найти любое место, – вступает другая женщина.

Вообще-то, обычно об огоньках говорят прямо противоположное, но я не произношу этого вслух. Отчаянные времена требуют отчаянных союзов.

– Пожалуйста, просто отведите меня, куда я просила. И обещайте, что не станете морочить голову.

Мужчина скрещивает крошечные ручки поверх шарообразного тела.

– А что ты дашь взамен?

– Ты будешь летать?

– Ты будешь петь?

Я зажмуриваюсь и уже собираюсь отказаться, но боль наполняет меня, требуя выхода. Сейчас я, кажется, готова сделать что угодно, лишь бы высвободить засевшие во мне гнев и страх.

– Хорошо, – поспешно произношу я. – Обещаю спеть для вас, если вы отведете меня в точности куда я просила. Уединенное, безопасное место во дворце, где не запрещено находиться, чтобы после не было неприятностей.

Огоньки обмениваются возбужденными взглядами, а потом начинают двигаться по кругу.

– Договорились, – хором говорят они и летят вперед.

Я следую за ними мимо столовой и гостиной, прохожу по короткому коридору, который заканчивается открытой дверью. Они влетают внутрь, но я замираю на пороге, изучая представшую взгляду большую гостиную с высокими окнами, освещаемую звездным светом. Огоньки с воплями кружат по комнате. К счастью, внутри вроде бы никого нет. Я неуверенно вхожу, рассматривая стоящие в центре гостиной кресла, диван и чайный столик.

Блуждая взглядом по комнате, я замечаю письменный стол, висящие на стенах прелестные картины, еще один диван, карточный столик и...

«Во имя ветра».

Сердце колотится о ребра, но не от страха. От предвкушения. Потому что в дальнем углу комнаты я вижу то, о чем мечтала больше всего на свете.

Пианино.

Глава 11

Эмбер

Я не успеваю опомниться, а ноги уже несут меня вперед. Черно-белые клавиши словно притягивают к себе. В звездном свете пианино сияет белизной с радужным отливом. На скамье возле инструмента я замечаю плюшевую черную подушку, так и манящую присесть.

Вот оно, безопасное убежище. Практически дом.

Почти бессознательно я прохожу через комнату и сажусь на скамью. Три огонька кружат над головой, но, когда я поднимаю крышку пианино, спускаются ниже и висают над клавишами. От предвкушения покалывает пальцы, но не стоит сразу же бросаться играть. Музыкальный инструмент – не просто вещь. Это друг, партнер, возлюбленный, заслуживающий знаков внимания.

Кончиками пальцев в перчатках я провожу по поверхности клавиш. Не нажимаю, лишь знакоплюсь, каковы они на ощупь. Коснувшись каждой клавиши, ставлю пальцы нужным образом.

И надавливаю. Чуть-чуть.

Звук эхом отдается внутри, и сковывавшее меня напряжение слегка отпускает. Перед мысленным взором мелькает лицо брата Маруса. Я закрываю глаза и вижу значок на лацкане, эмблему Сан-Лазаро.

Я нажимаю снова, на этот раз чуть сильнее, и раздавшийся аккорд проникает прямо в сердце.

Я вспоминаю самодовольную ухмылку мачехи, насмешки сводных сестер, непристойные намеки принца в переулке. Образы кружатся в голове, рвутся наружу, сменяясь яростью, стекающей к кончикам пальцев и льющейся с клавиш.

Я играю. С закрытыми глазами, позволяя пальцам самим выбирать мелодию. Мне вовсе не нужны ноты, не существует такой песни. За меня говорит ярость, и пальцы лишь подхватывают задаваемый ею мотив. Музыка плывет в воздухе, и злость сменяется облегчением. Я не ощущала его с тех пор, как миссис Коулман продала пианино. Не прерывая игры, я через некоторое время открываю глаза и вижу, как три огонька с безмятежным видом сидят на предназначенной для нот подставке.

– Ты обещала спеть, – шепчет одна из женщин, на сей раз не насмехаясь и не дразнясь.

На миг меня пронзает страх, внося в мелодию новые ноты. Она права. Стремясь укрыться, я дала обещание. Хотя не пела уже три года. С тех пор...

С тех пор...

К горлу подступает ком, и музыка теперь напоминает беспорядочный набор звуков. Я пытаюсь сглотнуть, но не могу. Данные фейри обещания в чем-то сродни сделкам, и невозможно нарушить свое слово.

Мне придется петь.

Низкие ноты становятся все громче, протяжней, высокие каскадом стекают вниз.

В горле возникает урчание, а вместе с ним приходит отчаянная жажда. За три года я самое большее мычала себе под нос. Но этого мне всегда было мало.

Постепенно сдавленный гул нарастает, еще пойманный в ловушку между сомкнутых губ. По щеке скатывается слеза, легкие словно горят огнем. И, наконец, я открываю рот.

Пальцы замирают, и звенящая нота повисает в воздухе. Голос вторит ей простым, тихим «а-а», выше на пару октав.

Во мне пробуждаются чувства, в сравнении с которыми прежнее облегчение вовсе ничего не значит. Напряжение спадает, и остатки ярости исчезают, словно унесенные порывом ветра. Пальцы легко танцуют по клавишам, постепенно повышая тон мелодии. И, наконец, голос впле-

тается в музыку, порождая нежную песню. Бессловесный напев, вторящий звучанию клавиш, так похожий на счастье, что я готова заплакать.

Я вновь бросаю взгляд на огоньки. Все еще сидя на подставке, они подаются вперед и смотрят на меня, широко раскрыв глаза. Я замолкаю и улыбаюсь им. Они дарят ответные улыбки. Хочу спросить их имена, но они вдруг поднимают глаза. И, взвизгнув, срываются с подставки и исчезают из виду.

Я застываю, изумленная их внезапным уходом, и мои пальцы замирают на клавишах.

И в этот момент я ощущаю, что уже не одна.

А когда поворачиваюсь на скамье, то замечаю ворона.

* * *

Мне удастся сдержаться и не закричать. Я вскакиваю на ноги, отступаю назад и упираюсь в клавиши, из-за чего пианино издает резкий звук. Несчастный инструмент, он этого не заслужил. И все же я не могу заставить себя отодвинуться.

Ворон застывает, как и я, и лишь молча меня разглядывает. Хотя передо мной не просто птица. Точнее, вовсе не птица. Скорее человек, и весьма высокий. Узкие черные перчатки, покрытые темными перьями, полностью скрывают руки. На ногах оранжевые чулки, заканчивающиеся вполне натуральными когтистыми лапами. На шее черный шарф. Иссиня-черная голова кажется слишком большой и какой-то ненастоящей. Такую скорее ждешь увидеть у набитого соломой пугала, чем у живого существа. А еще он довольно широк в талии.

Ворон отмирает, делает шаг назад, а потом бросает взгляд на свой живот. Подняв глаза, он сообщает полным веселья голосом:

– Я толстый ворон.

Явно мужчина, к тому же молодой.

– Вижу. – Выровняв дыхание, я медленно отступаю от пианино и выпрямляюсь.

– Я не хотел вас пугать. Это чары.

Я молча закрываю глаза и снова открываю. Ворон склоняет голову и кивает.

– Я ведь подкрался незаметно, даже не предупредив. Прошу прощения.

– Мне пора, – сообщаю я, пытаюсь обойти ворона.

Он тут же встает передо мной, заступая дорогу.

– Постойте. Прошу, не уходите. Я глубоко сожалею, что прервал вашу песню. Она просто... притянула меня. Конечно, следовало сообщить о своем приходе. Или тихо уйти и не мешать. Но я не смог удержаться и подошел, чтобы лучше слышать. – Он явно волнуется.

Я хмурюсь, разглядывая созданную чарами нелепую голову ворона. Что-то есть такое в его голосе... Дружелюбие? Чудаковатость? Доброта? Как бы то ни было, страх начинает утихать.

Ворон протягивает руки.

– Так... вам нравятся мои чары?

Я вновь окидываю его взглядом, отмечая гладкие перья, когтистые лапы, нелепо большой живот. И начинаю улыбаться уголками губ.

– Точно нравятся. Похоже, лишь вам.

– Знаете, мистер Ворон, – тихо сообщаю я. – Остальные более тактично воздают почести принцу. Всего лишь изящные клювы и головные уборы из перьев.

– Тогда как я пришел на бал во всей красе, и никто не обращает внимания. Здесь мало кто носит чары, покрывающие тело целиком. Я думал, таких будет больше. Какой смысл в зачарованном бале, если гости не полностью прячут внешность под чарами? Ведь идея как раз в том, чтобы стать неузнаваемыми.

– Спросите об этом принца.

Слова слетают с губ, и мне тут же хочется взять их обратно. Можно не сомневаться, незнакомец расслышал вложенное в них презрение.

Ворон издает смешок.

– Не нравится принц Франко?

– Я этого не говорила.

Не сводя глаз с двери, я снова пытаюсь обойти ворона. Однако он вновь преграждает мне путь.

– Расскажите. Люблю истории о принце, изрядно сдобренные презрением. Вы с ним знакомы?

Я подавляю в себе желание скрестить руки на груди. Может, я и прячусь в гостиной, но ведь бал еще не окончен. И я аккуратно складываю ладони на талии.

– Я видела его лишь раз, и мне нечего сказать.

– Да ладно вам. Поведайте хоть что-нибудь.

Я вздергиваю подбородок.

– Вы слишком развили тему. Я всего-навсего упомянула принца, когда вы заявили, что на зачарованных балах гости должны быть неузнаваемы.

Ворон машет рукой, поощряя меня продолжать:

– Потому что...

– Потому что на балу только он один не носит чары.

Щелкнув пальцами, ворон указывает на меня.

– Именно! Вы в буквальном смысле единственная это заметили. В такой толпе любителей балов непросто что-то рассмотреть.

– А разве вы не любите балы?

Он пожимает плечами.

– Я обычно прячусь в углу и, основательно напиваясь, подшучиваю над гостями. Конечно, когда не скрываюсь от них.

– Так вы поэтому пришли сюда?

Он постукивает по нижней части огромного клюва, словно по подбородку.

– Я мог бы задать тот же вопрос.

Я чуть улыбаюсь.

– Если вы не забыли, я как раз уходила.

Обхожу ворона, и в этот раз он не пытается преградить мне путь. Лишь на пороге меня догоняет его голос.

– Постойте. – Замерев, я поворачиваюсь к нему и при виде удивительно отвратного костюма с трудом подавляю смешок. Ворон подходит ближе. – А как же вы? На вас есть чары? Или под маской скрыто настоящее лицо? – голос его звучит напряженно.

Я не отвечаю, внезапно осознав, насколько близко от меня стоит мужчина, которого я вовсе не знаю и чью внешность даже не видела. Мне бы встревожиться, испугаться за свою честь и посчитать вульгарным сам факт нахождения в комнате наедине с незнакомым мужчиной. Но нет. Окутанный ореолом тайны, он, вкупе с нарушением приличий, навевает мысли о любовнике-скрипаче, о коротком, ничего не значащем свидании, и я ощущаю прилив возбуждения.

Ворон смотрит на меня стеклянными, невидящими глазами, но я чувствую его настоящий, скрытый за чарами горящий взгляд. Обычно меня редко видят, замечают, рассматривают. Еще реже наслаждаются увиденным. И нетрудно понять, когда подобное все же случается. Как сейчас.

Ворон поднимает руку к моему лицу и точно так же, как брат Марус, касается скрытыми тканью перчаток пальцами выбившейся пряди. Но если Марус вызывал лишь отвращение, рядом с вороном я ощущаю внезапный прилив смелости. Поэтому спокойно стою рядом,

не в силах сдвинуться с места. Он проводит пальцем по волосам, а после медленно опускает руку.

– Они правда такого цвета? – спрашивает он гораздо тише, чем раньше.

– А вы хотите знать?

– Хочу, – отвечает он, и я по-прежнему ощущаю на себе его жадный взгляд. – Я хочу знать, кто вы. Увидеть настоящее лицо. Услышать имя.

Я делаю шаг назад.

– Так не пойдет, мистер Ворон. Ведь смысл зачарованного бала как раз в том, чтобы остаться неузнанным.

– Значит, если я вас увижу, то смогу опознать? Мы знакомы?

Пожав плечами, я отворачиваюсь. А потом, усмехнувшись, сообщаю:

– Вряд ли вы об этом узнаете.

С этими словами я выхожу в коридор, и по лицу расплзается мечтательная улыбка.

Глава 12

Франко

Я смотрю вслед девушке в голубом бальном платье, спешащей от меня по коридору. Наш дивный разговор потряс меня до глубины души. Давненько мне не доводилось столь искренне общаться с незнакомцами, а может, вообще никогда. Полагаю, все дело в маскарадном костюме. Она не притворялась, не пыталась важничать или чем-то меня впечатлить. Сперва она казалась робкой, но постепенно пришла в себя. И к тому времени, как я спросил ее имя, в тоне уже сквозила насмешка. Она флиртowała со мной, не с принцем – с толстым вороном. И явно даже не подозревала, кто перед ней. Судя по всему, она искренне презирает принца и, хотя пыталась отрицать, я все же это почувствовал – ее отвращение на вкус походило на горький лимон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.